

Шолпан Кабиева

КОНСТАНТИН

Каждый из нас в той или иной степени ещё ребенок.

Эта книга посвящается всем детям.

Даже тем, которые уже давно выросли.

Глава 1

Это был один из скучных унылых дней в приюте.

За окном стояла ненастная осень. Дети на улице резвились: играли, толкались, носились, словно неугомонные, смеясь и веселясь. Несколько пожелтевших листьев, сорванных ветром с огромного старого клёна, плавно планировали по воздуху, приземлившись на окно третьего этажа, из которого было видно просторную комнату одного необычного одиннадцатилетнего мальчика.

Его звали Константин. Взъерошенные каштановые волосы с легким бронзовым оттенком

смотрелись немного забавно, а серые глаза, словно зеркало отражающие его комнату, казались чаще грустными, чем веселыми. Одежда у него была самая обыкновенная для детей детского дома — изношенная серая рубашка и брюки на тон темнее.

Воспитательницы детского дома хотели и даже пытались называть его Костечкой, Костей, на что он сразу же им пояснил, что ему нравится, когда его называют полным именем. Правда, его никто не послушал. Тогда, словно в отместку, Константин просто перестал отзываться на любое, по его мнению, «коверкание» его имени.

Сейчас мальчик сидел за небольшим деревянным столиком песочного цвета с самым серьёзным видом.

Константин взял карандаш и детально изучил белый холст.

Мягко надавливая им, он начал рисовать.

Нарисовав контуры различных предметов на своей картине, мальчик стал их дорисовывать, а потом обводить, сильнее надавливая на лист бумаги.

У него вышла прекрасная чёрно-белая картина, нарисованная простым карандашом: высокие чернеющие вдали горы с белоснежными холмами, снизу — полупрозрачная серебристая речка, сверкающая от бликов полной луны, а по берегам речушки раскинулись высокие хвойные

деревья.

Незаметно подошедшая сзади воспитательница Татьяна Сергеевна улыбнулась и всплеснула руками в восхищении. Полная женщина средних лет с ярко-золотистыми кудрями в розовом платье, казалось, умилена его творением.

— Костечка, какой же ты у нас гений, — произнесла она, довольно погладив его по голове. — Кому ты нарисовал эту красоту?... Ах, да. Константин... Извини. Так кому ты это нарисовал?

— Никому, — Константин продолжил наносить штрихи, не поднимая головы, и упорно глядя в холст, словно ничего кроме него не видя.

— Не может быть, Кос... Константин.

— Почему?

Воспитательница, поджав губы, внимательно на него посмотрела, не зная, что сказать. Её голубые глаза наполнились печалью и одновременно непониманием.

— Может быть, тебе просто надо с кем-нибудь подружиться, Константин? Здесь много хороших весёлых детей, — скрывая печаль в голосе, осторожно произнесла она и потянула руку к нему, чтобы дотронуться до его головы и погладить, но, однако, ее рука замерла, повиснув в воздухе.

Константин оторвал взгляд от рисунка и

посмотрел на шумящую ребятню за окном.

Его много раз переводили из одного детского дома в другой. Он уже привык ни с кем не общаться.

Отчим после смерти его матери отдал его в детский дом в шесть лет. Родственников у Константина не было. К нему никто не приходил, да и он сам уже давно никого не ждал. Его жизнь больше смахивала на существование. Каждый день был похож на позавчерашний, вчерашний, сегодняшний, завтрашний и послезавтрашний. В отличие от весёлой ребятни за окном, он не находил ничего интересного в том, чтобы вести счёт дням до тех пор, пока тебя не заберут отсюда. Мальчик ощущал себя на некоторую долю роботом — ты встаешь, чтобы походить весь день, поесть, поделаться что-нибудь, а затем вновь ложишься спать, чтобы затем, когда твои глаза откроются на следующее утро, всё повторилось!

«Да и вообще... Россия — такая скучная страна. Здесь никто ни во что не верит. Ах, да... есть ведь гранёный стакан. Да, в него здесь только и верят. Здесь нет ничего интересного... ни загадок, ни тайн... всё слишком просто... эта та часть нашей планеты, где жизнь течёт самым скучным образом...» — мальчик с хмурым видом изучил пасмурное небо, которое, казалось, смотрит на него с жалостью, а затем перевёл взгляд на детей,

звонкий и громкий смех которых проникал в каждое окно на этой улице.

Он не понимал, почему этим детям так весело и беззаботно. У них нет никого, кто бы любил их, дарил им свою заботу. Ни единой родной души.

А им весело. Эти дети словно слепы! Либо они мысленно закрывали глаза на тяжелую и несправедливую правду нашего мира.

«Странные...» — подумал он и, хмыкнув, снова перевёл взгляд на рисунок, продолжив рисовать. Действительно, ну почему, если у тебя нет никого, кто мог бы согреть твоё сердце, читая тебе сказки перед сном, обнимая, говоря, что любит тебя, слушая тебя, когда тебе плохо? Нет, Константин не мог понять их. Но он был более, чем уверен — дети здесь прекрасно умеют скрывать свои чувства. Они словно актеры, не нашедшие место на настоящей сцене, играют здесь, у него под окном, замечательный спектакль, который называется «я счастливый и радостный ребенок, не смотря ни на что».

Хотя... Константин вспомнил, что ведь эта черта большинства взрослых — ты вроде бы один, но играешь другого, чтобы никто не знал, какой ты на самом деле и что ты действительно чувствуешь. А может быть, это и есть взросление — претворяться другим?

Тогда Константин никогда не станет

взрослым. Он устал от притворства. Просто когда ты смиряешься с жизнью, ты перестаешь претворяться. Тебе уже не нужно это, ты становишься спокойным. А когда тебе сложно смириться и каждый день боль пронзает твоё сердце, когда ты видишь в окне проходящих мимо детей с их любящими родителями, а сам в это время словно одинокое бездомное животное, нелюдим в душе и глубоко несчастлив, то тебе хочется закричать, догнать их родителей и спросить, а чем ты отличаешься? Что в тебе дурного? Почему ты заслуживаешь такого к себе отношения? Ведь ты ничего не сделал! Но затем ты осознаешь, что так делать нельзя, ведь тогда тебя могут вообще начать бояться, ты можешь потерять шанс стать кому-то нужным в этом мире. И тогда сильный порыв в душе заглушается очередным страхом — остаться одним не на время, а навсегда.

— Мне не о чем с ними поговорить, Татьяна Сергеевна, — сухо и отчётливо произнёс Константин, глядя на лист без эмоций.

— Ну... постарайся найти общую тему, — прошлась по комнате Татьяна Сергеевна и окинула хмурым взглядом детей из окна, так как её настораживали слишком громкие и веселые крики детей, ибо это значило, что наверняка они уже где-то натворили много нехороших дел. — Это легко. Компьютерные игры, например.

— Я не вижу в них смысла.

— Почему? — удивилась воспитательница.

— Пустая трата времени на то, чего не было, нет и не будет никогда, — без особого интереса к ней и к этому разговору произнёс он, сухо улыбнувшись.

— Но многим детям нравится...

Наконец, границы, которые Константин ставил между собою и воспитательницами, были окончательно нарушены. Он резко встал со стола, опершись на него руками и перевёл взгляд на воспитательницу.

Это был взгляд не ребёнка.

Это был взгляд взрослого человека.

— А вы сами-то хоть хотите знать, почему этим детям нравятся компьютерные игры? — процедил Константин, направив указательный палец в сторону окна, за которым игрались дети. — Да потому, что там есть персонажи, которые тебя якобы любят. Потому что там можно создать себе семью. Потому, что там ты сам, а точнее, твой персонаж, кого-то любит. Это не правильно. Надо жить настоящим. Я не хочу делать себе ещё более глупым самообманом. Я не хочу привязываться к тому, чего нет, как и все другие. Там можно отвлечься от этой больной реальности. Скучной реальности. Серой реальности. Да, но как бы ты не отвлекался, — он заговорил спокойно, так

как всё же смог взять себя в руки, перестав указывать на окно. — Как бы ты не отвлекался от этого мира, чтобы ты не делал... ты всё равно здесь. А компьютерные игры — созданы для отвлечения твоего разума... созданы, чтобы ты забыл. А надо жить сейчас. Хотя... в моём случае... Я лишь существую. Мне хватает этого, — он с самым спокойным видом сел на место, словно у него и не было никакого всплеска эмоций.

Шокированная воспитательница, глядя прямо перед собой, медленно пошла к двери из этой комнаты, не мигая.

— Стойте, Татьяна Сергеевна, — поднял голову Константин. — У меня к вам просьба.

— Эмм... какая? — обернувшись прямо перед дверью, спросила она. Судя по тому, как широко распахнуты были глаза Татьяны Сергеевны, она ещё не отошла от шока.

— Закройте дверь на ключ с той стороны.

Она, немного побледнев, кивнула и вышла.

* * *

Свои рисунки Константин не особо прятал. В основном он перепрятывал рисунки своей матери, чтобы детдомовские дети не нашли их. Ведь, какими бы весёлыми и жизнерадостными они не казались, они умели отменно завидовать,

ненавидеть и мстить. Мальчик объяснил для себя это тем, что у каждой медали есть две стороны.

Как-то Константин задумался, а существует ли Бог вообще.

Он долго думал, несколько дней. А потом, как-то пролистав учебник по математике, подумал о доказательствах той или иной теоремы.

«Есть же «метод от противного»... — размышлял мальчик, глядя на белую стену своей комнаты. — «Тогда... тогда, получается... Нужно думать немного по-другому... Я верю в Дьявола... По крайней мере, он никогда не давал мне повода сомневаться в своём существовании... Но он — противопоставление Богу... То есть, если есть Дьявол, то есть и Бог...».

Потом Константин решил закрыть эту тему для себя.

Он обладал величайшей способностью в мире — способностью к глубоким раздумьям.

Пока проходили однообразные дни за окном, он искал себе какой-нибудь вопрос, который бы мог обдумывать, чтобы найти ответ. А так как разговаривать с самим собою было скучно, мальчик нарочно вырезал из фантастического журнала картинку с седовласым и длиннородым друидом. Обычно это были вопросы о смысле жизни, истине, уме и так далее.

За некоторое пребывание в этом детском

доме, Константин уловил негласную дисциплину, которую установил высокий толстый мальчишка, которому было пятнадцать лет. Его называли «Скала». Здесь он был самым старшим и самым сильным. Его все боялись. Константин относился к нему весьма холодно и безразлично.

Мальчик, положив перед собой лист, начал вновь рисовать.

* * *

— Такой маленький, а уже какой самостоятельный, — довольно на него глядя, произнесла библиотекарша. Это была старушка лет шестидесяти с добрыми сияющими глазами и в блестящих круглых очках. — Мама с папой, наверное, гордятся тем, что ты много читаешь?

Если честно, это и вправду был далеко не первый его приход сюда. Мальчик постоянно брал книги из библиотеки. Константин любил разнообразить свою жизнь. При этом, мультфильмы он не смотрел никогда, как и фильмы. Он не признавал телевизор.

В книгах всё было интересно. Мир не был таким скучным и серым, как вокруг.

Там мир резко преображался — принцесс спасали от драконов принцы; высокие мрачные замки величественно возвышались практически до

небес; среди людей было множество нечистой силы — вампиры, оборотни, ведьмы, колдуны, великаны...

Каждый раз подходя к окну своей комнаты, Константин лишь вздыхал: здесь этого нет, нет ничего сверхъестественного, ничего интересного, нет загадок, мистификаций... И люди живут при этом совершенно спокойно. Каждый день Константин видел, как проходят мимо его окна на работу люди. Их жизнь однообразна, однотипна, скучна.

На секунду мальчик не знал, что ответить доброй старушке. Сдержанно улыбнувшись, он опустил взгляд.

— Да. Им нравится, что я читаю, — Константин и сам не мог понять, почему он ей врёт. Возможно, потому, что солгать было гораздо легче, чем сказать сложную правду, которую потом придётся долго объяснять. Тем более, огорчать добродушную старушку его не слишком счастливой жизнью было бы очень неудобно.

— Сестра или брат есть? — с интересом спросила она, смотря на него с улыбкой.

— Нет, — несмело смотря на неё, словно боясь, что его поймают на лжи, сказал Константин и снова осторожно улыбнулся.

— Ну ладно, не буду отвлекать, — приятно улыбнувшись, старушка махнула рукой. — Иди

почитай.

Константин медленно пошёл вперёд по коридору. За холодным стеклом окна библиотеки в воздухе вальсировали снежинки, плавно кружась и опадая на землю. Мальчик подумал, что, скорее всего, этот снег белее даже его холстов и альбомных листов. От дыхания Константина стекло окна покрылось испариной, и мальчик, весело улыбнувшись, пошёл дальше, вглубь библиотеки, ходя мимо высоких мрачных полок, на большинстве из которых, как ему иногда казалось, лежала чуть ли не вековая пыль.

Снег продолжал падать бесконечными хлопьями на вытопанную дорожку к библиотеке, и губ Константина коснулась улыбка — он вспомнил, как играл с мамой в снежки. А о своём родном отце он ничего не знал. Да мальчику и не было интересно. Ему было плевать на своего отца. Но, как думал Константин, раз его отец оставил её мать одну, позволив ей выйти замуж за вечно раздражительного и противного Александра, который не выносил Константина, да и не особо заботился о его матери, то его настоящий отец был просто недостоин её.

Выбрав книгу «Мастер и Маргарита», мальчик уселся за столик и начал читать. Так прошло несколько часов в полней тишине, так как Константин обычно был единственным

посетителем этой библиотеки. За окном подвывал холодный ветер, кружащий снежные хлопья. Уже вечерело.

— Интересный выбор книги, — прокомментировал в тишине тихий звучный мужской голос. Оторвавшись от чтения, мальчик поднял голову. Напротив него сидел широкоплечий мужчина в тёплом синем свитере и джинсах. Коричневая шляпа на его голове удачно скрывала своими широкими полями большую часть лица таким образом, что видно было лишь подбородок и губы, рассечённые посередине шрамом.

— Почему? — надо сказать, что Константин никогда не замечал, что именно этот его вопрос обычно ставил в ступор всех взрослых.

— В этой книге много правды, — губы мужчины дрогнули в легкой улыбке, словно ему было смешно. Константин нахмурился.

— Почему вы так думаете? — поразмыслив, мальчик решил, что у мужчины странная манера общения.

На губах мужчины заиграла добродушная усмешка. Он поправил шляпу.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — тихо произнёс незнакомец, скрестив пальцы рук и облокотившись о стол. — Скорее всего, ты часто ставишь взрослых в тупик.

Константин опустил взгляд в книгу, не

решаясь взглянуть ещё раз на загадочного незнакомца.

— Вам что-то нужно от меня? — мальчик вспомнил, как воспитательницы приглашали милиционеров, рассказывающих о детских маньяках и убийцах. Он подумал о том, что должен был взять с собой ножик, который у него всегда был в кармане (стоит добавить, что тот нож, о котором подумывал Константин, был плохо заточен), но вместо него там лежал простой карандаш со сломанным носиком. Мальчик почувствовал сильное напряжение и опустил взгляд.

— Нет. Я зашёл в библиотеку лишь на пару минут, и сейчас уйду. Ты не знаешь, сколько времени? — у незнакомца была пара книг в руках, а на указательном пальце блестело золотое кольцо-печатка с огромной буквой «М».

— Разве у вас нет телефона или часов? — осторожно и внимательно его рассматривая, спросил Константин.

— Нет, — мягко произнёс мужчина.

— Извините, но я не ношу часы, — отчётливо произнёс мальчик.

— Почему?

— Они всё время у меня ломаются...

— Гм, — только и произнёс мужчина и бесшумно выскользнул из читательского зала.

Схватив книгу, Константин выбежал вслед за тем странным мужчиной. Он не знал почему, но ему надо было узнать, кто это. Да и тем более, если это — и в правду маньяк, то за ним обязательно надо издалека осторожно приглядеть, вдруг он нападет на кого-нибудь. Константин почувствовал себя отважным героем из книг, который гонится за злодеем, чтобы остановить его. Однако мальчик всё же думал, что этот мужчина не маньяк. Казалось, что он вообще из другой страны, но точно не из России, где большая часть людей похожа друг на друга.

Этот человек был... другим, уж точно не один из тех, которые каждый день с хмурыми лицами проходили мимо его детского дома, уныло спеша на работу или за детьми в садик.

Редкие фонари на тёмной улице, будучи единственными источниками света, казались Константину молчаливыми свидетелями его слежки за странным собеседником. Снег бесшумно и даже немного тоскливо падал на землю в абсолютной тишине, которая редко бывала на улицах шумной Самары. Благодаря темноте мальчик был практически незаметным. Константин пробежал за незнакомцем пару кварталов. Мужчина не оглядывался, шёл медленно и спокойно, непринуждённо куря сигарету, но мальчику казалось, что он его слышит. Хотя Константин

передвигался очень тихо, настолько тихо, что сам не слышал собственных шагов.

Резко свернув за поворот, мужчина исчез из поля зрения мальчика.

Константин заглянул туда, куда повернул незнакомец. Там был тупик.

Казалось, мужчина просто растворился на ровном месте. Мальчик растерялся, так и не поняв, куда исчез его странный собеседник из библиотеки.

Повернувшись, было, назад, Константин получил сильный удар по виску.

Упав на холодный заледенелый асфальт, мальчик ударился затылком. Кровь ручейком полилась из затылка, создавая свой алый узор на белом снежном холсте.

Высокая тёмная фигура зловеще выросла над ним. Свет уличного фонаря словно нарочно слепил глаза, что раздражало Константина. Некоторое время пощурившись, мальчик уставился в ночное небо.

— Запомни, мелочь, — сухо и злобно произнёс юный мальчишеский голос. «Скала...» — закатив глаза, с досадой догадался Константин, чувствуя сильную боль в затылке. — «Как не вовремя!». Скала тем временем, засучив рукава и глядя на Константина свысока надменным и насмешливым взглядом, продолжил. — Ты должен делать как все — бояться меня. Я здесь главный. Ты

меня понял? — последняя фраза звучала угрожающе.

Константин холодно смерил его безразличным взглядом и снова посмотрел на небо.

— Да он, похоже, сумасшедший, — указав на него пальцем, весело крикнул один из мальчиков, на год постарше Константина. — Посмотри на выражение его лица! — разбежавшись, Скала пнул Константина со всей силы в бок так, что тот согнулся от боли. Громила плюнул ему в лицо и, смотря на него с отвращением, вытер рукавом рот. Маленькие пороссячи глаза на квадратном лице толстого и сильного мальчика сузились от ненависти к Константину.

— Толик, ты у нас новенький. Давай-ка попинай этого уroda... считай, что это своеобразный ритуал. Пнёшь — значит, станешь одним из нас, — хищно улыбнулся Скала, сверкнув глазами на новенького в приюте.

Анатолий появился у них только вчера вечером в приюте. Рыжеволосый худенький мальчик, с веснушками и в очках, казалось, совершенно не вписывается в компанию Скалы, в которую входили обычно только крепыши.

Новенький в группе хулиганов выглядел растерянным. Он не очень хотел делать то, что ему велели.

— А знаешь, что говорят о тех, кто не

является частью нашей команды? — опасно усмехнулся Скала, с громким хрустом разминая толстые пальцы. — Обычно такие хлюпики бывают на месте этого полумёртвого уroda. Бей, Толик, иначе ты будешь валяться рядом с ним, — хмуро смотря на Анатолия, Скала ещё раз показательно пнул Константина, который мысленно уже проклял весь детский дом. Хулиганы начали громко и воодушевлённо кричать что-то, но от боли Константин уже не различал ни слова.

Наконец, Анатолий решился и начал пинать его.

— Давай ещё, — весело кричали все.

Последовала серия пинков, с каждым разом становившиеся всё сильнее и сильнее.

— Думаю, Толик нам подходит. А теперь быстро валите отсюда, пока нас никто не увидел с этим трупом, — осторожно оглянувшись, сказал Скала и, развернувшись, ушёл вместе со всеми, громко и немного неуклюже топя толстыми ногами по снегу. Анатолий, уходя, обернулся и бросил на Константина взгляд, полный вины и раскаяния. Константин встретился с ним взглядом. Но затем один из ребят дёрнул новобранца за рукав, и тот больше не оглядывался.

Константин долго смотрел на небо. Всё казалось ему бессмысленным, безжизненным.

Фонарь, одиноко светивший на Константина,

казалось, единственный, кто жалел его в этом холодном и бесчувственном мире, полном зла.

Через какое-то время Константину захотелось спать. Он прикрыл глаза, надеясь, что эта жизнь на самом деле обычный сон, и скоро он проснётся, а рядом будет его мама, целая и невредимая, и всё будет как раньше — он будет рисовать её портрет, они будут вместе смеяться и вместе грустить, не будет больше никакой боли, ни физической, ни душевной...

Всё будет так, как должно быть.

Кровь медленно текла на снег из его затылка. Теперь снег под головой казался не холодным, а тёплым.

Мальчику никогда не было так хорошо.

Ему хотелось умереть. Какой смысл гнить в этой стране, одному? Его мама умерла. Его здесь ничего не держало. Отца он не знал, а если бы даже и знал, хорошим бы это явно не закончилось.

Константин открыл глаза.

Снежинки так походили на маленькие белые звезды, плавно падающие с неба из далеких галактик...

— *Только их нельзя взять в руки, они тают*, — раздался звонкий весёлый голос его мамы из воспоминаний.

Холод медленно сковывал всё тело и действовал на болевшие места как обезболивающее.

Ещё немного, и весь мальчик будет заметен снегом. Кровь струилась нескончаемым потоком. Глаза Константина непроизвольно начали закрываться. Он медленно терял сознание.

Кто-то наклонился над ним, заслонив свет тусклого фонаря.

— Прости меня, — тихо и печально раздалось в воздухе. Глаза мальчика закрылись и больше он ничего не слышал.

Открыв глаза, Константин долго не мог понять, где он и что происходит.

Вокруг было бело и светло, но это не был снег. Похлопав некоторое время глазами, мальчик смог лучше разглядеть место, в котором он находился.

Это была больница. Константин лежал один в палате.

Небольшое кресло для родственников и тех, кто переживает за больных, рядом с кушеткой, на которой он лежал, пустовало. Это, собственно, его не удивило.

К нему подходили врачи, спрашивали о состоянии. Его нашли лежащим в кресле коридора больницы. Никто не знал, откуда он там появился. Пролежав там полтора месяца, мальчик вернулся обратно в детдом. Его и в больнице, и в детдоме спрашивали о том, кто его избил. На что Константин отвечал, что не знает, кто это был, так

как было темно и мало что возможно было разглядеть. Он не знал, почему он лгал. Возможно, потому, что, может быть, один из компании Скалы и спас его. Возможно... скорее всего. Мальчик лишь предполагал это, но уверен не был.

* * *

— Константин, к тебе пришли, — сияя, сказала Татьяна Сергеевна.

Мальчик удивлённо поднял брови и, промолчав, кивнул. Внутри Константина появилось странное волнение, и он заерзал на стуле. За окном после недавно окончившегося дождя громко чирикали воробьи на клёне, словно бы пытаясь друг друга переспорить.

— Заходите, Сальватора, — пропустив её в комнату, с восхищением сказала воспитательница и вышла.

В комнату абсолютно бесшумно зашла высокая смуглая девушка с красивой восточной внешностью. На её шее блестело золотое украшение в виде обвивающихся вокруг друг друга змей. Длинные распущенные каштановые волосы с рыжим оттенком до пояса покоились на её спине. Голубые, слегка зауженные глаза смотрели на Константина доброжелательно и с интересом. Её полноватые губы дрогнули в мягкой улыбке, и

девушка присела на стул перед ним. На вид ей было двадцать пять — двадцать семь лет. Чёрный мокрый от непогоды плащ и сапоги того же цвета хорошо смотрелись на худенькой стройной фигуре девушке. Константину она напомнила немного принцесс из восточных сказок, которые он читал несколько лет назад.

— Меня зовут Сальватора Дарк, — загадочно сверкнув глазами, сказала она, соединив пальцы рук и внимательно на него глядя. — Ты хочешь, чтобы я стала твоим опекуном?

Константин ещё раз внимательно на неё посмотрел. «Какая прямолинейность...» — мелькнуло у него в голове. За окном выглянуло наконец-то солнце, в первый раз за эту неделю, а лучи светила жизнерадостно устремились в комнату к мальчику.

— А вы сами хотите, чтобы я стал вашим сыном? — спросил он.

Нет, всё же, хоть и иногда он и думал, как взрослый человек, этот мальчик оставался ребёнком.

Она улыбнулась так, будто бы это была шутка.

— Константин, я хочу забрать тебя с собою в Бухарест, в Румынию. Я там живу. Я много чем увлекаюсь, у меня не пыльная работа.

— Но если вы живёте в Бухаресте, зачем вы

приехали в Россию, чтобы взять себе приёмного ребенка? — удивился Константин.

— Ответ на этот вопрос слишком сложен, Константин, чтобы ты понял его.

— Я попытаюсь понять, — настойчиво сказал мальчик.

Она опустила взгляд, а затем подняла глаза на него вновь.

— Когда-то я тоже была в русском детдоме, — скрывая печаль в голосе, произнесла девушка, опустив взгляд на его стол и еле заметно проведя подушечками пальцев по столу.

— Именно поэтому вы выбрали меня? — спросил Константин, которому показалось, что этого недостаточно, чтобы выбрать именно его. Для всего нужны более веские основания, более конкретные причины.

Девушка слегка улыбнулась, сдержав смех — уж очень смешно мальчик с взъерошенными волосами заваливал её вопросами.

— Нет.

— А почему?

— Не стоит искать причины везде, мой друг, — улыбнулась Сальватора, вновь блеснув глазами. — Ты мне просто понравился. Если хочешь, ты можешь уехать со мною из России.

Восемьдесят процентов его самого с радостью кричало, что да, поскорее бы он отсюда уехал. А

остальные двадцать процентов с подозрением смотрели на эту девушку, ища подвоха и обмана, не желая верить ей.

Что-то было в ней... не так. Или же этого его страхи играют с ним злую шутку?

— Да, я хочу уехать отсюда. Очень далеко, — сказал он спустя три минуты. Константин прикусил губу, чувствуя себя сильно взволнованным.

— Хорошо, — она улыбнулась и устало встала, поправив пальто. — Я вернусь за тобою через месяц.

— А почему так долго? — немного нахмурившись, спросил Константин.

— У меня есть некоторые дела, которые надо уладить. Главное, дождись меня, — она подошла к нему и, наклонившись, поцеловала его в лоб. — Я обязательно вернусь.

У неё были теплые мягкие губы.

Она быстро и так же бесшумно вышла из комнаты, оставив в мальчике надежду.

Большую надежду.

* * *

Впервые в жизни Константин чувствовал себя открылённо.

Весь этот месяц он перебирал портреты своей матери, нарисованные им самим простым

карандашом, и её рисунки, нарисованные яркими красками. Он искал сходства между Сальваторой и его мамой.

Светлые волосы Светланы, мамы Константина, напоминали ему пшеничные поля, в которых они летом любили гулять; а серые глаза мальчик любил сравнивать с дождливым небом за окном приюта. И имя такое подходящее у его мамы — Светлана. У неё были полноватые красивые губы, острый подбородок, тонкая лебединая шея, стройное телосложение.

Мальчик вспоминал свою маму всё это время.

— Ты у меня самый лучший, Костя. Когда-нибудь ты станешь знаменитым... я это чувствую... я в тебя верю, — улыбаясь, говорила пять лет назад ему его мама. Голубое платье Светланы раздувалось от ветра. Лесная поляна была полна звуков, сладких пьянящих ароматов цветов. В воздухе сновали пчёлы, то и дело прыгали сверчки. Солнце жизнерадостно сияло над головой счастливого Константина.

...А он ведь тогда ещё не понимал, насколько он был счастлив. Мальчик нарисовал свою маму, сидящую в траве и смотрящую на солнце.

— А вот какой у меня рисунок... смотри, Костя, — Светлана показала ему свой рисунок. На ней был он, с серьёзным лицом рисующий на листе бумаги.

Её телефон зазвонил.

— Алло, да, Саша, — с улыбкой смотря на солнце, сказала она, поправив пряди светлых волос, раздувающиеся ветром. — Я с Костей... Мы на лесной поляне... Он вообще-то мой сын, Саша... — улыбка начала пропадать. — Не разыгрывай спектакль... Что?!.. Причём здесь это!? — в её глазах заблестели слёзы, и она отвернулась. — Не смей так говорить о Косте...

Мальчик смотрел на неё, не мигая, забыв о рисунке. Карандаш выпал из его рук, затерявшись в траве.

Константин сильно зажмурил глаза и вернулся из своих воспоминаний в реальность.

Контролировать душевную боль он за эти пять лет научился.

Он просто сумел подавлять плохие воспоминания в себе, контролировать ход своих мыслей, чтобы не уйти обратно, в прошлое. А это получалось у него довольно реалистично с его отличной памятью.

Поразмыслив, Константин понял, что искать сходства между матерью и Сальваторой — бессмысленно. Надо привязываться к ней не из-за сходств или отличий от его матери, а как к кому-то родному, близкому. Тогда он спрятал подальше портреты своей матери, на дно чемодана болотного цвета, который уже собрал. Дети смотрели на него с

завистью. То, что немного аутичного и странного мальчика по имени Константин забирают отсюда, облетело уже весь приют.

Константин оторвал маленький листочек из календаря. Сегодня Сальватора должна прийти и забрать его.

Был обед. Он стоял в коридоре.

Обернувшись, мальчик медленно пошёл вперёд по коридору, в сторону своей комнаты.

Вдруг, он увидел, как оттуда выбежали дети и, громко и надменно смеясь, скрылись в другом конце коридора.

Его сердце сжалось. Константин быстро забежал внутрь своей комнаты и закрылся изнутри.

Его чемодан был раскрыт.

Все вещи были раскиданы, а портреты, на которых он рисовал свою мать, были изорваны.

Но больнее Константину стало, когда он увидел, что и то, что было нарисовано его мамой, тоже было порвано, скомкано и потоптано.

Константин с бессилием опустился на колени.

Часть его жизни, счастливая часть его жизни была только изорвана в клочья. Хотя... почему часть?... Это лишь доказательства существования той части.

Сдержав все эмоции внутри, Константин собрал все клочки бумаги, одежду, и убрал их обратно в чемодан.

Походя вечером по приюту, он увидел, как Анатолий стоит один и смотрит в окно. Полумесяц отражался в стеклах его очков, и казалось, что глаза маленького худенького мальчика светятся в темноте.

— Спасибо за... то, что спас мне жизнь, — произнёс Константин неуверенно, осторожно глядя на него.

— Что? — не понял Анатолий.

— Спасибо, что спас мне жизнь. Не мог же я сам появиться тогда в больнице.

Взгляд Анатолия был крайне удивленным.

— Константин, ты серьёзно это мне говоришь или шутишь?

— А что такое? — теперь удивляться начал Константин.

— Я не спасал тебя тогда... так вот почему ты нас со Скалой не выдал, — глаза рыжего мальчика стали веселыми. Ему было смешно.

— Стоп. Как это не был ты?

— Я ушёл вместе со всеми. Рядом с тобою тогда никого и не было.

Константин молча развернулся и пошёл в обратную сторону, к себе в комнату.

Кто же тогда его спас?... Некоторое время спустя мальчик понял, что чувствует сильный гнев.

Скоро он уберётся отсюда навсегда.

Надежда ещё теплилась в нём.

Но никто не пришёл, хотя Константин не спал всю ночь, смотря из окна на сияющие звёзды.

Он ждал так месяц.

Потом ждал ещё один месяц. А затем ещё один.

Так прошла половина года.

Константин не чувствовал эмоций. Они как-то покинули его сами собой. Странное чувство, когда тебе всё равно, когда тебе ничего не нужно. Ты, словно робот, ничего не чувствуешь и существуешь лишь для того, чтобы каждый день был бесцельно убит.

Его воспоминания — растоптаны. Его надежда — убита.

А за окном всё та же скучная Россия, хоть ты убейся. Дети так же веселы. Он больше не рисовал. Не видел ни в чем смысла.

* * *

— К тебе пришли, — сказала Татьяна Сергеевна, открыв дверь в его комнату.

Константин обернулся в пол оборота, кинул на неё ничего не значащий взгляд. Воспитательница восприняла этот взгляд как кивок.

К нему подошёл старый высокий и широкоплечий мужчина пятидесяти-шестидесяти лет. Он смахивал чем-то на военного, но мальчик не

был в этом до конца уверен, так как нечто строгое, много выдавшее, сдержанное и сильное словно у офицера, было в глазах у этого человека, и потому мальчик и сделал такие выводы. Этот мужчина был очень высоким, наверное, метра два, как подумал мальчик. На нем была чёрная рубашка, застегнутая на все пуговицы, и чёрные брюки с чёрными лаковыми туфлями. У него были светло-карие глаза.

Он шёл быстрым шагом, сел перед ним и, посмотрев на какой-то листочек (что это было, документ, фотография или что-то ещё, Константин не знал, так как видел лишь обратную сторону, абсолютно белую, в то время как лицевая сторона листа смотрела на старика), кинул на него быстрый взгляд и спрятал листочек.

— Да, я согласен, — без особых колебаний произнёс Константин. — Только заберите меня отсюда.

— Я мистер Спотс, Константин, — сухим и строгим голосом представился старик. — И да, сегодня мы уже с тобой уезжаем. Собирай вещи. Я подожду.

Что-то внутри Константина впервые за всё это время оживилось, зашевелилось, словно росток, пробивший твёрдую каменную бесчувственную ограду, которой он защищал себя от этого злобного мира.

Мальчик вскочил с места, добежал до своей комнаты, быстро собрал все вещи, и вернулся обратно, боясь, что старик, решивший забрать его, растворится в воздухе.

— Пошли за мной, — мистер Спотс взял его за руку, и они вышли. Воспитательница их проводила, облегченно вздохнув.

В такси Константин заснул у старика на плече.

Мальчику снилась его мама. Она была счастливой и с венком из цветов на голове. Они сидели на поляне, и маленький мальчик облокотился о её плечо. Улыбнувшись, Светлана уткнулась носом в его волосы, а затем наклонилась к его уху.

— Проснись, Константин... — шёпотом просила она, перебирая пальцами его волосы. — Проснись... тебя ждёт ещё много сюрпризов.

Константин открыл глаза, вырвавшись из сновидения.

Это была огромная комната. Множество картин, шёлковое постельное белье красного цвета... Мальчик немного испуганно зажмурил глаза, решив, что это продолжение сна, и вновь их открыл.

Нет, ему не кажется. Судя по всему, хозяин этого дома очень богат.

А где же мистер Спотс?

Константин был в той же одежде, в которой и заснул. Только ботинок его нигде не было, видимо, кто-то их снял, пока он спал. Константин надел тёплые тапочки, стоявшие на полу возле кровати, и вышел из комнаты. Перед ним был коридор, ведущий в различные комнаты, а в конце коридора лестница. Он спустился по лестнице вниз и увидел мистера Спотса, который забрал его. Здесь был длинный стол, как будто для множества гостей. Старик наливал чай в две фарфоровые чашечки.

— Здравствуйте, — радостно сказал мальчик, чуть ли не светясь от счастья.

— Здравствуй, Константин, — сказал старик, кинув на него беглый взгляд, и посмотрел на свои наручные часы. Накинув на себя серое пальто и шапку, он немного напряжённо обернулся у двери выхода из огромного дома, держась за ручку.

— Вы куда? — удивлённо спросил Константин.

— Я домой, — отозвался мистер Спотс.

— Как это — домой? — не понял Константин.

— Привет, Константин, — раздался знакомый женский голос.

Мальчик на пару секунд замер, пытаясь понять, откуда он его знает. Затем, Константин обернулся. Дверь сзади него хлопнула, так как Мистер Спотс ушёл.

Перед ним была Сальватора Дарк, одетая в

красный шёлковый халат.

— Сальватора? — удивлённо произнёс Константин. — Но... меня же забрал мистер Спотс...

Она уселась напротив своей чашки чая на другом конце стола, закинув ногу на ногу.

— Да, — улыбнулась она. — Он мой дворецкий. У меня было много дел, и сложно было оформить документы, чтобы забрать тебя. Поэтому пришлось задержаться.

Константин медленно опустился на своё место и так же медленно отпил чай, пытаясь прийти в себя. В его голове была сплошная путаница.

— Как ты всё это время был? — спросила она с интересом.

Константин молчал. Он долго думал. Всё перемешалось в голове. Всё было так странно и непонятно.

— Почему мистер Спотс так быстро ушёл? — неожиданно спросил мальчик.

— Потому что у него есть свой дом, — с теплотой глядя на него, сказала Сальватора.

— Почему ты за мной не пришла через месяц?

— Я уже отвечала на этот вопрос.

— Мне было плохо, — опустив взгляд на пол, сказал Константин, потеряв края своей серой футболки.

Выражение лица Сальваторы смягчилось. В её

взгляде проступила вина, сменившаяся жалостью.

Она встала и подошла к нему. Сев перед ним на колени, она крепко обняла его.

— Прости меня, Константин, — сказала она, думая, что зря не смогла настоять на мгновенном оформлении документов, из-за чего началась волокита.

Константин закрыл глаза. Но при этом не знал, зачем именно: чтобы подавить эмоции, скрыть их или для чего-то другого?... На секунду Константин даже подумал, что на самом деле он гораздо старше своих лет.

— Можешь называть меня Костей.

— Нет. Я уже привыкла к Константину. Тем более так намного красивее, — она немного отстранилась и красиво улыбнулась, рассматривая его лицо. — Ты простил меня?

— Да, — внутри всё улеглось на свои места. Он наконец-то почувствовал себя абсолютно спокойным, что было впервые за пять лет. Это было то состояние, которое ощущают призраки в различных сказках или мистических книгах, когда они освобождаются от долгих и мучительных терзаний на земле, уходя на покой. Впервые Константин почувствовал себя кому-то нужным, и от этого ему становилось хорошо. словно в долго непроветриваемой комнате, пыльной, серой и тоскливой кто-то резко зажег свет и впустил свежий

воздух, открыв оконца. — А как мне тебя называть?

— Сальватора... или как тебе будет удобнее.

— Ясно, — сказал Константин, улыбнувшись.

Она встала.

— В моём поместье девяносто три комнаты, Константин, — наклонившись, сказала Сальватора, достав из кармана шёлкового халата серебряный ключ. — Вот тебе ключ, — она протянула ему его. — Этот ключ открывает все двери, — улыбнувшись, почти шёпотом произнесла она.

— Все двери? — удивлённо переспросил мальчик.

— Да, — улыбнулась она и села на своё место. Взяв чашку чая, Сальватора начала пить. — Только будь осторожен: в те комнаты, которые он не откроет, лучше не заглядывать.

— Но ты же сказала, что он открывает все комнаты, — ещё раз удивился Константин. — Ты противоречишь самой себе.

— Не всё сразу, друг мой, — улыбнулась она, довольно сверкнув в его сторону голубыми слегка прикрытыми веками глазами.

— А кем ты работаешь? — спросил с интересом Константин, забыв о том, что надо позавтракать.

Сальватора снова мягко улыбнулась.

— Не всё сразу... — повторила она и отпила чай, довольно закрыв глаза.

Глава 2

За эту неделю Константин узнал много нового.

Ну, во-первых, это то, что поместье расположено на склоне Карпат в Румынии.

А во-вторых, в школу его возил мистер Спотс. Оказалось, что этот старик совершенно не разговорчив. Из него невозможно и слово вытянуть!

В-третьих, мистер Спотс открыто недолюбливал Сальватору Дарк.

И, что самое главное, в-четвёртых, здесь было очень и очень красиво. Даже люди здесь были совершенно другие... большинство из них верило во что-то хорошее и светлое.

Мальчик даже не стал сравнивать эту страну с Россией. Он просто понял, что серятина и скука, преследовавшая его там, в этой стране, где большинство не верят ни во что светлое, наконец, исчезла из его жизни.

Началась новая жизнь. В этой загадочной и красивой стране.

Константин зашёл к себе в комнату и вытащил учебники из рюкзака. Солнечные лучи проникали в комнату сквозь полупрозрачные оранжевые занавески, окрашивая всё в тёплые оттенки.

Положив груды учебников на стол, он начал учить уроки. У мальчика была отличная память, и он быстро запомнил то, что задали учить устно. Письменные задания он тоже выполнил легко, хотя делал гораздо дольше, чем устные задания. Выглянув в окно, Константин удивился: оказалось, солнце уже давно село. На одинокое поместье на склоне заснеженной горы светила полная луна. Небо было безоблачным. Множество звёзд ярко сияло. Хвойные деревья приобрели голубоватый оттенок в свете луны.

Константин спустился вниз, усевшись за большой стол.

Вечно мрачный мистер Спотс судорожно посмотрел на лестницу, ведущую на второй этаж, а затем опустил взгляд, поставив перед мальчиком тарелку с едой и разложив кухонные принадлежности. Все действия старика происходили в абсолютной тишине, без единого слова.

— Мистер Спотс, — позвал Константин. — Почему вы ненавидите Сальватору? По-моему, она хорошая.

Старик, побледнев, кинул на него ничего не выражающий взгляд.

— Вы никогда не отвечаете на мои вопросы. Вы не хотите отвечать или вам нельзя? — продолжил мальчик. На секунду у Константина

мелькнула мысль, что лучше не выводить старика из себя. Но любопытство мальчика было гораздо сильнее страха.

— Ужин подан, молодой джентльмен, — без эмоций произнёс мистер Спотс.

— Вы меня игнорируете? Вы всех игнорируете? — спросил Константин, подумав, что мало вероятно всё же, что старик сделает ему что-то плохое.

Наконец, терпение престарелого мужчины кончилось.

— Мисс Дарк спасла мне жизнь, — сказал он хриловатым голосом. — Я стараюсь не вмешиваться в её дела.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— Я её не ненавижу, — нахмурился мистер Спотс. — Я... просто привык так реагировать на то, что происходит в доме.

— Как реагировать?

Мистер Спотс нахмурился.

— А ты любишь завалить взрослых сложными вопросами, — заметил он, указав на него пальцем, и втихаря для себя отметив, что на самом деле это не так уж и сложно заметить. — У тебя ещё не прошёл возраст почемучки? — сварливо спросил старый мужчина.

— Не знаю. Так что происходит в доме?

— Рано или поздно вы поймёте меня.

Передайте мисс Дарк, что сегодня я ушёл раньше, — мистер Спотс накинул на себя пальто, надел шапку и, кинув мрачноватый взгляд на лестницу, ведущую на второй этаж, пошёл к выходу.

— А почему вы живёте отдельно? — громче сказал Константин, привстав на высоком стуле.

— Доброй ночи, молодой джентльмен, — дверь громко захлопнулась. Видимо, мистер Спотс разозлился на мальчика из-за допроса.

Со второго этажа раздался громкий выстрел.

Мальчик от неожиданности подпрыгнул, чуть не упав вместе со стулом на пол.

Встав из-за стола, он направился к лестнице. Константин начал подниматься вверх, осторожно глядя по сторонам.

«Случилось что-то плохое? Или это нормально для... Сальваторы?» — он осторожно вытащил у стоящего вдоль стены рыцаря, а если точнее, у его доспехов, меч. Оружие оказалось тяжеловатым, весом примерно около пяти килограмм. Тихо вышагивая вперёд, мальчик дошёл до спальни мисс Дарк. Сняв с себя цепочку с ключом, который дала ему Сальватора, он попытался вставить его в замочную скважину, но ничего не вышло, он не подходил. К тому же, дверь оказалась не заперта. Константин осторожно толкнул её. Дверь скрипнула и на миллиметр

приоткрылась. В комнате было темно. Лунный свет, проникающий сквозь синие, подбрасываемые в воздух ветром, полупрозрачные занавески, окрашивал всё вокруг в различные оттенки темно-синего цвета. В темноте мелькнула тень, как будто кто-то бесшумно спрыгнул с кровати.

— Эмм... — Константин громко постучал по двери. — Сальватора, всё в порядке?

Ответом ему была тишина. Потом раздались еле слышные шаги в сторону двери.

Константин в это время споткнулся о порог. Падая вперед, мальчик толкнул дверь, до конца распахнув её. Упав на четвереньки, мальчик поднял взгляд. Его глаза широко распахнулись от шока и страха. Константин смотрел в оскаленный рот, полный острых, словно бритва, зубов.

Мальчик старался не дышать. Он замер, не зная, как действовать дальше.

Перед ним была оскаленная чёрная пантера, в бешенстве водившая хвостом в разные стороны.

Из её пасти донеслось тихое рычание.

— Хорошо... — закрыв на пару секунд глаза, тихо произнёс Константин. Мальчик никогда ещё не испытывал такого ужаса. — Я зашёл не во время, верно?

Хищница продолжала водить хвостом в разные стороны.

Взгляд мальчика упал на меч, который он с

собой взял. В нём отражался яркий свет из коридора, а в комнате было темно. Осторожно развернув меч, он пустил «солнечный» зайчик в комнату, где была пантера. Внимание хищницы на миг переключилось, и Константин захлопнул дверь. Ноги мальчика были ватными и дрожали. В это время раздался второй выстрел. Однако, он уже не так напугал Константина, зато дал понять более точно, из какой комнаты из множества других этот звук доносится. Дойдя до двери, за которой, вероятно, будет источник шума, мальчик открыл её.

Дверь скрипнула, и он увидел Сальватору Дарк, стоящую в белом халате, очках и перчатках. В комнате был дым.

— Привет, Константин, — она улыбнулась ему, размахивая в воздухе рукой в перчатке, чтобы разогнать клубы дыма вокруг себя. — Да, я знаю, я, как всегда, забыла об ужине. Что-то случилось? — девушка подошла к окну и открыла его, видимо, чтобы противный запах гари ушел. На первой половине стола у неё стояла куча пробирок, маленьких баночек, коробочек и много различных вещей, названия которых мальчик не знал.

— А... — мальчик почесал затылок, не зная, что сказать. — Ты учишься готовить? — это было первое, что пришло ему в голову. Он присмотрелся внимательнее. Тем временем вторая половина стола была накрыта белой тканью, из-под которой

торчала что-то чёрное и склизкое, похожее либо на пиявку, либо на чей-то отвратительный хвост. Вернувшись обратно, девушка, резко взмахнув ножом, который незаметно достала из кармана халата, отрезала неприятный и начавший шевелиться хвост неизвестного создания и мигом положила его в свой карман. Затем она взяла в руки пробирку и внимательно на неё посмотрела, постучав по ней ногтем указательного пальца.

— А ты умеешь шутить, — сверкнув глазами в его сторону, произнесла Сальватора.

— Я слышал выстрел.

— Это результат неправильной концентрации одного из веществ в растворе. Целиком и полностью моя вина.

— Пробирка, наверное, взорвалась у тебя в руках... ты цела?

Она улыбнулась и, подойдя к нему, погладила его по голове.

— Я в порядке, не волнуйся, Константин. Какой же ты у меня милый мальчик. Оу, — она обратила внимание на меч в его руках. — Эпоха возрождения. А ты знаешь, символом чего является меч? — Сальватора присела перед ним.

— Нет.

— Меч — символ силы, справедливости, мужества, достоинства, всепроникающего разума и интеллекта. А ещё, — она поправила воротник его

рубашки. — Меч издревле наделяли волшебными свойствами. Считалось, что меч может отражать силы тьмы. У алхимиков волнистые мечи являлись символами очищающего огня, который убивает и воскрешает к жизни. По крайней мере, так говорит мифология мечей у людей. Хочешь, можешь взять его себе.

— Пожалуй, я верну его обратно, — сказал Константин с натянутой улыбкой.

— Извини, что не так часто, как мне хотелось бы, появляюсь рядом, — улыбаясь, сказала ему Сальватора. Она решила, мальчик недоволен, что её нет всегда рядом, как в нормальных семьях. — У меня слишком много работы.

Константин подумал, что не будет ей рассказывать про пантеру у неё в спальне. Ведь, скорее всего, мисс Дарк знала о ней. Теперь мальчик раздумывал о том, что неплохо бы узнать о ней, кем она работает. «Возможно, она работает химиком... наверное. Я не уверен», — подумал он.

Мальчик заметил у неё татуировку на правом запястье. Она была похожа на английскую букву «I», только с короной над ней, и по обе стороны которой были две буквы «ё», смотрящие в противоположные друг от друга стороны.

— А ты была когда-нибудь замужем? Или ты в разводе? — вдруг спросил Константин. Он сам не понимал, зачем он у неё это спросил. Это было

первое, что пришло ему в голову.

— Я?... — похоже, она не ожидала этого вопроса. Натянув рукава халата, Сальватора задумчиво нахмурилась, смотря в другую сторону. Татуировка больше не была видна. — Я... была... то есть, я уже замужем, — на пару секунд она потупила взгляд, а потом снова на него посмотрела.

— Но кольца же нет, — заметил Константин.

— Я его не ношу, — ласково на него глядя, произнесла Сальватора.

— А почему?

— На некоторые вопросы даже сами взрослые не могут дать чёткого ответа. Я не могу тебе этого объяснить.

— Гм, — брови Константина взметнулись вверх. Он посчитал, что у неё уж слишком много тайн. — Почему-то ты всегда говоришь загадками. Обычно люди так не делают. Они либо врут, либо молчат, когда что-либо скрывают. А ты вроде говоришь правду... но она всё время у тебя завуалированная.

— Если бы я давала людям прямые ответы на их вопросы, они разучились бы думать. А так... в их головах начинают происходить различного рода мыслительные процессы, эмоции, — Сальватора облокотилась о стол, ласково глядя его по голове. В руках у мальчика была фарфоровая статуэтка мужчины из одного африканского племени,

которую он задумчиво вертел в руках. Свет в её кабинете исходил лишь из одной неоновой лампочки, и он был тусклым.

— Значит, ты думаешь, что все люди — тупые? — оторвав взгляд от статуэтки, поставил её на стол Константин.

— Большинство. Я разнообразяю свою жизнь, когда заставляю людей думать. Это одно из моих развлечений последние много лет, — она засмеялась над концовкой своей фразы — То есть, в последнее время.

— Значит, загадывать людям загадки и смотреть, как они пытаются их разгадать, — это твоё хобби? — спросил Константин, подумав, что ему будет нескучно на этих выходных. Уж точно не здесь.

— Ну... не единственное, но да. Порою результаты, к которым они приходят, весьма забавны, — Сальватора хотела проверить, насколько Константин любопытен. Ей нравилось смотреть, как он пытается додуматься сам до чего-либо. Девушка сидела на столе, свесив вниз ноги и глядя на мальчика, присевшего на пол с очередной статуэткой, привезённой из Африки. Это был худощавый мужчина с копьём и в маске.

— Получается, теперь я должен узнать, кем ты работаешь на самом деле и почему ты не носишь обручальное кольцо? — с любопытством спросил

Константин, взглянув на Сальватору.

Она усмехнулась.

— Нет, это ничего не значит. Ты сам должен решить, что ты хочешь знать, а что нет, — сказала девушка со смехом в глазах.

— Сальватора, я тебя вообще не понимаю! — воскликнул Константин. Она добродушно улыбнулась ему.

— Но ты ведь не боишься, верно? Обычно люди боятся, когда чего-то не понимают.

— А это к чему? — мальчик очень редко злился на кого-либо, но сейчас именно это и происходило. — Почему нельзя говорить прямо? Я пытаюсь понять, но всё равно не понимаю.

Она поцеловала его в лоб и, сняв с себя перчатки и очки, открыла дверь.

— Пошли, покушаем. А то получится, что мистер Спотс зря старался, готовя нам еду.

* * *

За столом на первом этаже они говорили уже на другую тему. Константин, надевший на себя уже пижаму, рассказывал свои впечатления о новой школе. Потом Сальватора проводила его до двери его комнаты.

— Моя мама перед сном всегда рассказывала мне что-нибудь интересное, — задумчиво сказал

Константин, глядя на белую дверь в свою комнату. Он не заметил, как у него это вырвалось вслух. — Мы с ней всегда очень долго разговаривали перед сном.

— Если хочешь, я останусь, и мы с тобой обязательно поговорим, — мягко улыбнулась Сальватора.

— Тогда останься, пожалуйста, — попросил Константин.

Он удобно устроился на кровати, накрывшись одеялом. В комнате его было тихо.

Сальватора, приоткрыв занавеску, впустила лунный свет в тёмную комнату.

— Хочешь, я расскажу тебе одну интересную историю? — загадочно усмехнулась она, слегка сощутив глаза.

— Да.

Она подошла к нему и села рядом, хорошенько заправив одеяло.

— Когда-то жил один мальчик на нашей земле. Он был очень одинок, и ему было не с кем поговорить. Но один раз случилось такое, что он подружился с тигрицей, — начала она.

— Маугли? — вдруг спросил Константин. А затем нахмурился. — Ах, да. Там была пантера Багира... эмм. Да. Это вообще не похоже на Маугли, — разговаривал он сам с собою, не замечая этого.

Сальватора, улыбаясь, выслушала его и продолжила.

— Он привязался к ней, а она привязалась к нему. Кроме этого мальчика у храброй хищницы никого не было. Она защищала его от других хищников, кормила, растила.

— А тигрят у неё не было?

— Нет.

— А почему?

— Не судьба.

— Может, отсутствие полового партнера?

Сальватора подавилась смехом, опустив голову.

— Я могла ожидать таких слов от кого угодно, но не от такого маленького мальчика, как ты.

— Почему?

— Эхх, Константин, Константин, — она заботливо убрала волосы с его лба. — Какой же ты у меня почемучка.

— Забавно. Слышу это уже не в первый раз, — мальчик задумчиво отвёл взгляд в сторону. — Пора задуматься, наверное, почему все так говорят.

— Не вникай в причины, Константин. Их у людей может быть слишком много. Причинам не стоит уделять внимание, как и искать виноватых.

— А ты умная.

— Ну, спасибо, молодой джентльмен. Не знаю

даже, как я бы смогла жить, если бы ты это не сказал.

— Так что дальше в истории?

— Один раз на неё напали охотники, — продолжала Сальватора, низко наклонившись к нему и рассказывая историю полусшепотом. — Они хотели убить её, а мальчика забрать. Люди с ружьями думали, что из шкуры прекрасной хищницы можно сделать товар... она рычала, не отдавая ни себя, ни мальчика. Но они становились всё ближе и ближе. В тигрицу попали пули, но мальчик остался жив. Она, сражаясь сильными клыками и когтями, победила охотников в честном бою, однако, это было не последнее испытание, которое ей вместе с её новым другом нужно было пройти.

— А мальчик что, молчал? — с интересом спросил Константин, натянув до подбородка одеяло.

— Он был сильно напуган. К тому же, он умел разговаривать только с тигрицей, а языка, на котором разговаривали охотники, он не понимал.

— А такое возможно? — скептически изогнул бровь Константин.

— Всё в этой жизни возможно.

— В «Маугли» маленький мальчик понимал язык диких волков.

— Да.

— Я считаю, что у животных действительно есть свой язык, только мы его не понимаем, — решил признаться мальчик, подумав, что вряд ли Сальватора его будет осуждать за такие мысли.

— Кто знает, может, ты прав, — её губ вновь коснулась мягкая понимающая улыбка. Голубые глаза девушки блеснули. Глаза Константина в это время начали закрываться — он сильно хотел спать. Сон медленно брал его в свой плен.

Сальватора медленно наклонилась и поцеловала его в лоб. Поправив его одеяло, девушка бесшумно встала. Подойдя к двери, она приоткрыла её и бросила ещё один взгляд на кровать, где мирно спал маленький мальчик.

Константин сонно приоткрыл один глаз.

— А если на чистоту, то тигрица — это ведь ты, верно? — спросил он с интересом. — А тот мальчик, получается, я. Почему ты сравнила себя с хищницей? — любопытство даже сейчас не покидало его, хотя он и сильно хотел спать.

— Спи, Константин, — улыбнулась Сальватора. На секунду Константину показалось, что в её глазах мелькнуло сожаление. Но он не был до конца уверен, правильно ли он заметил или нет.

— В любом случае, завтра перед сном я хочу услышать продолжение, — как только он сказал это, его глаза закрылись, и он уснул.

— Продолжение обязательно будет, — мягко

улыбнулась девушка и скрылась.

* * *

В несколько часов ночи, однако, Константин живо вскочил с кровати.

Надев тапочки и накинув на себя тёплый махровый халат бардового цвета, мальчик взял в руки ключ, который ему дала Сальватора.

Взяв фонарик, спрятанный под подушкой, мальчик внимательно осмотрел ключ, светя на него.

«Она сказала, что ключ открывает все двери. А если я не открою какие-нибудь двери им, то следовательно, мне нельзя видеть то, что находится за этими дверьми... Хм, — думал Константин. — Разгадка, скорее всего, в самом ключе... — пару минут он провёл в раздумьях. Весь ключ был идеально гладким, будто бы до мальчика им никто никогда не пользовался. — Видимо, мистер Спотс тоже им не пользовался. Странно... Может, стоит сравнить ключ мистера Спотса и мой?».

Константин нахмурился, вспоминая, где мистер Спотс хранил ключи.

Тихо выскользнув в коридор, мальчик направился к кладовке под лестницей. Повернув тихо ключ в замочной скважине, он зашёл внутрь и осмотрелся. Эта была маленькая комнатка, стены,

потолок и пол которой были из дерева. Множество полочек, на которых лежали моющие средства, средства от тараканов, мышей, старые телефонные справочники, множество тряпочек, различные губки, а по углам стояли швабры. На некоторых вещах была вековая пыль: видимо, мистер Спотс никогда не трогал их.

Здесь был только один ключ.

Константин посветил на него фонариком.

Ключ мистера Спотса и его ключ были внешне идентичны.

Но всё же, что-то подсказывало, нашептывало мальчику, что на самом деле они различаются.

— В чем же дело? — шепотом спросил Константин у самого себя. Положив ключ мистера Спотса на место, он снова достал свой ключ. Только теперь мальчик прикрыл дверь в кладовку.

Вертя ключ в руках, Константин просидел более получаса, детально его рассматривая под светом фонарика, который мальчик разместил на потолке рядом с люстрой.

Ключ был из чистого серебра. На нём были выбиты инициалы Сальваторы — «S. T. D.».

Английская «S» была похожа на извивающуюся змею, «T» на меч и, одновременно, крест, а «D» было выгравировано как лук.

— Может, они что-то значат? — спросил тихо у себя Константин. Встав, мальчик ещё раз

оглянулся. Подойдя к старой швабре, покрытой пылью (скорее всего, ею мистер Спотс никогда не пользовался и даже не передвигал), мальчик осторожно передвинул её и осмотрел пол.

— Хм, вроде всё совершенно обычное. И даже никаких потайных ходов нет, — задумчиво и невзначай пробормотал он себе под нос. Он постучал по деревянному полу в этом углу девять раз, где стояла швабра, и наклонился.

Вдруг, словно в лифте, кладовка быстро начала спускаться куда-то вниз. От неожиданности Константин свалился на пол. Несколько моющих средств свалились ему на спину, а фонарик, прикреплённый к люстре, упал и ударил мальчика по голове.

— Ай, — потирая больное место, произнёс Константин. Ему было очень интересно и немного страшно, так как он совершенно не знал и не мог даже придумать, что увидит внизу.

Кладовка замерла, перестав трястись.

Мальчик встал и отряхнулся. Взяв фонарик в руки, Константин открыл скрипучую и развалистую дверь из кладовки. Перед ним была огромная библиотека. Свет фонарика освещал очень большое тёмное помещение. Вместо обычных деревянных или бетонных стен, здесь были стены из горных пород. Это была как своего рода пещера, только с огромными книжными шкафами по четыре метра и

небольшими тусклыми лампами для света.

Константин чувствовал радость. Он нашёл потайной ход! Мальчик ощущал себя героем какой-нибудь приключенческой саги.

Константин начал ходить между полками. Наконец, он дошёл до огромного письменного стола. На нём лежала кучу открытых на разных страницах книг. Заглянув в одну из них, Константин понял, что не знает того языка, на котором она написана, и что скорее всего такого языка уже нет. Мальчик был более, чем уверен, что эти книги были написаны на уже давно мёртвых языках.

В гигантской банке, стоящей перед книгами, плавал человеческий рот. Этот рот сам собой то закрывался, то открывался, словно рыба. Развернув банку, мальчик с еще большим изумлением замер. Сзади той стороны, где были губы, зубы и подбородок (в общем, внешняя сторона рта), был рыбий хвост. А обычная человеческая кожа медленно переходила в ядовито-зеленую чешую. Шевеля хвостом и плавниками по бокам, полурот-полурыба мирно плавала у себя в банке с водой... либо прозрачной жидкостью неизвестного происхождения. Константин не знал, что именно это было.

— Это рыба?! — шокировано спросил он сам у себя.

Мальчик совершенно ошеломленно опустил на стул, который стоял рядом со столом. Похлопав глазами пару минут, он всё же пришёл в себя.

Перед ним лежала маленькая книжка.

Судя по всему, это было старинное руководство по эксплуатации какого-либо прибора или ещё какого-нибудь предмета. Вся хорошенько изорванная, потрепанная... никто бы не стал даже открывать эту отвратную книгу с настолько разодранной обложкой. Хотя, как подозревал мальчик, в мрачную кладовку тоже мало кто заглянул бы, так что попасть сюда невозможно. Поэтому, вероятность найти эту книгу вообще равна нулю.

Хотя...

В его случае эта вероятность не прокатила.

— Чувствую себя Шерлоком Холмсом, — тихо пробормотал себе под нос Константин и сунул свой ключ в рот, будто бы это была трубка. Попустив пару несуществующих струек дыма в воздух, мальчик открыл ту потрёпанную временем книгу и начал листать.

Оказалось, это был чей-то неподписанный дневник. У него было просто две обложки: наружная — скучная и потрёпанная, и внутренняя — красивая и, кажется, кожаная.

— Зачем кому-то прятать здесь свой дневник? — спросил у себя мальчик. — Ах, да.

Сюда же практически никому невозможно попасть.

Теперь он чувствовал себя не только Шерлоком Холмсом, но и Гарри Поттером, ему не хватало только очков и двух друзей. На секунду ему стало жалко, что друзей у него нет. Хотя, в принципе, у него в классе были хорошие дети. Но всё же, им бы он не стал рассказывать о старом дневнике на нижнем этаже. Мальчик поревновал и эти тайны в поместье Сальваторы Дарк настолько, что решил никому их не рассказывать.

Положив дневник обратно, Константин нечаянно выронил маленький листочек, в котором было написано следующее:

Ключ имеет две формы:
внешнюю и внутреннюю.

Чтобы выявить внутреннюю
наружу, надо сунуть ключ в
подогретый солевой раствор.

«Так-с, сейчас лучше поискать солевой раствор», — подумал Константин. Пройдя через пару огромных книжных шкафов, мальчик удивлённо замер.

Перед ним на привязи стояло странное существо: совершенно без шерсти, волчья морда со змеиными глазами, тело как у кенгуру, только передние маленькие лапки — копии человеческих

рук, а огромные задние лапы копии человеческих ног, всё тело голубого цвета. Хвост больше походил на змеиный и, видимо, служил балластом.

Из всех фантастических газет, различных книгах о мистике, Константин вспомнил, что именно такой облик был у... Чупакабры.

— Мама мия, — пробормотав это, он потерял сознание.

Через некоторый неизвестный Константину промежуток времени, он очнулся.

Существо, нагнувшись, смотрело на него, высунув язык и шумно дыша, словно собака, которая забегалась.

— Только не ешь меня, — попросил мальчик. По всем рассказам очевидцев, которые он когда-либо читал, это существо могло издавать звуки, напоминающие истерические рыдания женщин.

Чупакабра шагнула к нему и наклонила над ним свою страшную бесшёрстную волчью морду со змеиными глазами.

Константин закрыл глаза, ожидая, когда зверь откусит от него достаточно огромный кусок мяса. Вдруг, мальчик почувствовал, что его облизали с головы до ног.

— Ты любишь чистую еду, да? — безжизненно спросил Константин.

Он уже мысленно написал завещание.

Сальваторе Дарк посвятилась бы первая строчка его завещания, которая в принципе одновременно и являлась последней. Чемодан болотного цвета и был его завещанием.

Чупакабра облизала его ещё раз, а затем ещё раз. А потом пошла в тёмную сторону библиотеки. Она казалась совершенно добродушной, словно обычная милая дворняжка.

— Похоже, мне повезло, и это существо уже что-то до меня пожрало, — облегченно вздохнув, заметил мальчик, сев на пол. Встав, он с отвращением начал стягивать липкие слюни чупакабры, больше напоминающие сопли.

Вдруг, кто-то взял Константина за шкурку и поднял над своей головой, строго рассматривая.

Это был очень высокий (чуть более двух метров) мужчина в очках с настолько затемнёнными стеклами, что глаз видно не было. У него были очень красивые черты лица, особенно выделялись выступающие вперёд скулы. На правой щеке была татуировка короны (Константин вспомнил, что на запястье среди всех татуировок у Сальваторы тоже была корона). На вид ему было примерно тридцать лет. У него была белоснежная кожа, как холсты, на которых мальчик рисовал портреты простым карандашом. Русые волосы были зачёсаны назад. Вместо обыкновенной одежды — чёрный балахон, расшитый, видимо, золотом. На

балахоне было множество каких-то символов и закорючек, значения которых Константин не знал.

— Здравствуй, воришка тайных знаний. Где Сальватора? — у него был красивый бархатистый голос. Однако, он немного растягивал буквы «Ш» и «С», будто шипел. Похоже, мужчина не обратил внимания на то, как детально рассматривал его странную одежду мальчик.

— Она спит, — ответил Константин с изумлением. Его ещё никто и никогда не называл «воришкой». А уж «воришкой тайных знаний» — тем более!

— Приведи мне её, — властно потребовал мужчина.

— Я не могу, — пожал плечами Константин, медленно покачиваясь и крутясь вокруг своей оси в воздухе.

— Рано или поздно всё тайное становится явным, маленький воришка знаний, — раздражённо заметил мужчина, всё ещё держа его за шкуру. — Мне нужна она, и именно сейчас!

— Почему? — упрямо скрестил руки мальчик, делая уже третий оборот вокруг своей оси. Константин решил, что этот мужчина наверняка ветреный, а раз так, то ему не следует вообще знать, где Сальватора. Мальчику не нравился этот незнакомец.

— Потому, — сказал ревниво мужчина.

— Почему «потому»? — упрямо спросил скрестивший руки мальчик, сделав уже пятый оборот. Он решил, что его уже точно не отпустят никуда. И не видать ему больше новых тайн Сальваторы Томпсон Дарк. И вообще ему уже ничего, наверное, больше не видать.

— Потому что, — сквозь зубы прошипел мужчина. Ему не нравилось, что у Константина нет желания ему помогать.

— Бальтазар, отпусти Константина, — раздался на всю библиотеку знакомый женский голос.

На лице мужчины появилась радостная улыбка. Мальчик благополучно опустился на землю.

Константин и Бальзатар обернулись и увидели Сальватору в красном шёлковом халате.

— Тебе надо следить за своим приёмным мальчиком. Он спустился в твою тайную библиотеку, — осматривая её с головы до ног, произнёс мужчина. Константин был счастлив увидеть Сальватору, так как не знал, что бы было, если бы она вовремя не зашла сюда.

— Лишний здесь не Константин, а ты, Бальтазар. Который раз ты взламываешь мою личную библиотеку, — фыркнула девушка. — Эти книги тебе не принадлежат. И людям не принадлежат.

— Да, но они и твоими не являются, хотя ты их и пишешь.

«Этот мужчина что, немного шипит, произнося букву «Ш»? Или он просто шипит? Что это значит? — подумал мальчик, почесав затылок. — И как это так бывает, что книги не принадлежат тому, кто их написал?»

Сальватора тихо выдохнула, слегка сузив глаза и чуть-чуть приоткрыв губы. Затем её губы закрылись. Константин очень остро почувствовал, что на самом деле девушка хотела вовсе не выдохнуть, а сделать что-то другое, но что именно, он не знал.

— Я не являюсь их автором, но только я могу их писать. Уходи, Бальтазар, и оставь в покое мою библиотеку и моего сына, — произнесла она, задрав подбородок.

Константин, которого она всё время незаметно для себя и для него обнимала за плечо, задрал голову, чтобы видеть её лицо. Он хотел понять, что она чувствует и искренна ли девушка сейчас. Мальчика очень удивили и одновременно заставили почувствовать что-то более родное и близкое к ней всего два слова, произнесённые ею совсем недавно: «мой сын». Никто за последние пять лет ни разу так его не называл. Сальватора была рада, что Константин не сказал ей, что он ей неродной.

— Какие слова! — Бальтазар улыбнулся и зааплодировал. — А ты случайно не забыла, кто я тебе?

— Как же забыть? Конечно же, не забыла, — наигранно радуясь, произнесла Сальватора, всплеснув руками, а затем она мрачно на него посмотрела. — Ты мне никто. Убирайся из моего дома.

Мужчина повёл указательным пальцем в разные стороны, отрицая её слова.

— Я — твой муж, Сальватора! А ещё, получается, и приёмный отец твоего маленького воришки знаний, — жизнерадостно сказал он, раскрыв объятия для Константина. Мальчик был в шоке и с удивлённым видом взглянул на Сальватору...

Девушка снова выдохнула ртом, сдерживая внутри накипающие эмоции и сузив глаза.

«Похоже, чаша её терпения скоро переполнится, и будет плохо всем», — мелькнула мысль у Константина.

— Как ты проник в мою библиотеку? — спросила с негодованием девушка, поставив руки в бока.

— Так он и в правду твой муж?! — удивлённо спросил Константин, поняв, что она не отрицает слова незнакомца.

— К сожалению, да, — ответила девушка,

мельком поглядев на мальчика.

— Я проник в библиотеку не через твой дом, то есть, не сверху... — начал оправдываться Бальтазар, пытаясь не смотреть в глаза Сальваторе. Мужчина неуверенно и неумело жестикулировал, чувствуя себя глупо.

— Что?! — разъярённо спросила девушка, поставив руки в бока.

— ...зато теперь твоя библиотека, и моё царство — одно целое, — Бальтазар указал рукой на огромную дыру в стене пещеры, лучезарно улыбаясь. Звуки ударов молоточков и ещё каких-то железных инструментов из этой дыры раздавались на всю библиотеку. Возле проделанного «окна» в другой мир стояла маленькая машина со сверлом впереди и защитным лобовым стеклом.

— Константин, ввиду того, что ты нормальный человек, тебе лучше отвернуться, — сдержанно произнесла Сальватора.

— Ты будешь его бить? — любопытно спросил Константин, отвернувшись. А потом мальчик почему-то решил, что вопрос задал глупый.

Дальше они говорили тише, и девушка подошла ближе к Бальтазару.

— Что же ты такого сделаешь мне? — с иронической улыбкой спросил Бальтазар.

— Из-за одного безмозглого клейма, что ты мне поставил на запястье, я должна держать обет

безбрачия всю жизнь, — с ненавистью прорычала Сальватора.

— Почему? Выходи замуж! Кто же тебе мешает? — пожав плечами, спросил мужчина. — Тем более, клеймо можно назвать только то тату, что находится немного ниже... но его у тебя нет.

— Один раз ты мне уже так отвечал, и я думала, что свободна, как ветер!

— Да, твой муж был... очень вкусным. Это я просто, к слову... Как я люблю смотреть на тебя, когда ты злишься.

— Не дотрагивайся до меня!

— Ммм... кто-то из нас любит скалиться?

В этот момент Константин не выдержал и обернулся. Сальватора целовалась с Бальтазаром. Он был настолько высок, что ему приходилось нагибаться к ней.

Мгновенно вновь встав к ним спиной, мальчик не знал, что ему лучше всего сейчас сделать. Пойти наверх к себе в комнату и ждать дальнейшего развития событий? Или продолжить то, что он когда-то не завершил — поиски солевого раствора, который он мог бы подогреть?

— Ну что, успокоилась? — довольно улыбаясь, спросил Бальтазар. Похоже, они перестали целоваться.

— Когда-нибудь я избавлюсь от этой татуировки, и ты больше не посмеешь потревожить

меня, — уже более спокойно произнесла Сальватора.

Дальше было несколько минут молчание, а если точнее, то, как понял Константин, они вновь начали целоваться. Не выдержав, мальчик пошёл искать солевой раствор.

Константин не знал, как правильно реагировать на всё, что сегодня произошло. Поэтому он просто решил отложить вопросы, которые подготовил для Сальваторы, на потом.

Походив в библиотеке, мальчик наткнулся на небольшую лабораторию. Здесь было гораздо больше склянок, чем тех, что были в кабинете у девушки. Найдя соль, Константин растворил её в подогретой над огнем воде в пробирке. Сняв ключ с шеи, мальчик засунул его в склянку. Спустя несколько секунд ключ поменял цвет с серебряного на золотой, а спустя минуту изменил свою форму.

— Ух ты, — восхищённо пробормотал Константин и быстро спрятал ключ в карман.

— Константин, пошли наверх. Я закрываю здесь всё, — громко позвала Сальватора.

— Иду, мам!

Когда Константин выбежал, на этот раз брови девушки взметнулись вверх. А потом на её лице появилась счастливейшая улыбка. Сальватора крепко обняла мальчика, а потом прошла с ним к кладовке, которая могла поднять их наверх.

Бальтазару было велено самостоятельно и отдельно от них подняться на лифте.

— Бальтазар действительно твой муж? — спросил Константин, когда они прикрыли двери. Девушка была сильно расслаблена. Она со всей силы топнула девять раз по тому углу, где стояла вечно пыльная швабра. Кладовка мигом подняла их наверх.

— Нет смысла сравнивать — к счастью или к сожалению, но всё же да, он действительно мой муж.

— Татуировка на запястье связана с ним?

— Да.

— Ты его любишь?

— В этом тоже уже нет смысла — я уже замужем за ним, а выйти за другого он мне не позволяет.

— Он же сказал, что ты можешь.

— Да, и мой новый муж потом таинственным образом исчезнет, — она только после того, как произнесла эту фразу вслух, поняла, что сказала. — Охх... Константин, — устало произнесла она, взъерошив волосы на голове и на пару секунд закрыв глаза. — Давай сделаем так. Я тебе объясню всё завтра утром. А сейчас я пойду разбираться с Бальтазаром, — достав телефон из кармана, Сальватора посмотрела на время. — Черт возьми, уже пять утра. Хорошо, тогда поговорим, как

отоспишься. Где-нибудь около обеда.

Она уложила его спать, поправила его одеяло и, поцеловав в лоб, ушла.

Сальватора быстрым шагом направилась в сторону своего кабинета.

Открыв дверь, она села в кресло за своим столом с высокой спинкой и внимательно посмотрела на Бальтазара, который сел на стул напротив и, детально рассматривая её кабинет, ухмыльнулся.

— Давай обговорим некоторые моменты, — на Сальваторе появилась немного деревянная улыбка. — Я должна каким-либо образом развестись с тобой. Ты уже пять лет как гигантская ошибка и огромнейшая проблема для меня.

— Но ты же по своей воле вышла за меня.

— Ты сказал, что отпустишь меня, при условии, если я выйду за тебя. А ещё ты сказал, что никаких обязательств это перед нами не делает.

— Ты так крепко держишься за слова. Но знай: слова лишь сбивают с толку.

— Ты мне не нужен, я тебя не люблю. А сейчас я вообще тебя ненавижу. Ты просверлил ход под землёй в мою библиотеку! Ты вообще очумел слегка, как я смотрю.

— А надо было думать, когда выходила за меня! Я тебе что, ЗАГС, чтобы снять эту печать? Теперь я съем каждого мужчину, который хотя бы

посмотрит на тебя.

— Отпусти меня, Бальтазар. Мы уже давно не пара. Хватит уже. По тем законам, которыми ты живёшь, ты можешь найти себе вторую жену и парить ей мозги до конца жизни. Оставь меня в покое.

— Да, — со скукой в голосе согласился мужчина. — У нас же по законам эти... как ваши людишки называют это... ах, да. «Шведские семьи». Да, я мог бы завести ещё одну жену. Ещё одну любовницу. Да хоть тысячу жен и тысячу любовниц. Но между всеми девушками и тобой есть существенная разница.

— Ну и какая же?

— Ты интересная. Ты не такая, как другие. Все девушки часто бывают похожи друг на друга. А в тебе есть некая изюминка. Возможно, она кроется в твоей загадочности. Но сейчас я понимаю, что даже не в ней, — он задумчиво рассматривал кабинет.

— Предлагаю тебе вернуться в своё подземное царство на сверлящей землю машине и выпустить там закон о разводе для иллюминатов, — закинув ноги на стол, произнесла Сальватора. — Например, в виде какого-нибудь средства для наружного применения, которое мажешь, и татуировка исчезает, — девушка скрестила руки.

— Я не собираюсь этого делать, — ревниво

сказал Бальтазар, внимательно глядя ей в глаза. — Только отрубив свою руку, ты можешь избавиться от меня. Раз ты её ещё не отрубила, значит, не так уж сильно ты и хочешь развестись со мной, — мужчина оперся руками об её стол.

— Какого чёрта ты снова взломал мою библиотеку и появился в моём доме? — ревниво спросила девушка и скрестила руки. — Тебя не было два месяца.

— Я чувствую ревность в твоём голосе, — нежно шепнул ей на ухо Бальтазар. Иногда, когда он произносил слова с буквой «с» или «ш» было видно его длинный раздвоенный язык.

— Каждый видит только то, что хочет видеть, — Сальватора уткнулась лицом в газету, не желая видеть ненавистного ей мужа.

— Я хочу видеть тебя, я тебя вижу, — ласково прошептал Бальзар, осторожно опустив газету вниз, чтобы видеть лицо Сальваторы. — Всё просто. А ты вот сейчас усложняешь.

— У меня есть семья, и ты не являешься её частью, — с вызовом сказала девушка.

— Почему не являюсь? — задумчиво спросил Бальтазар. — Я её глава.

Сальватора встала и открыла дверь из кабинета.

— Ты проел мне все мозги. *S'il vous plaît*, свали отсюда, — сухо произнесла она.

— И это после пяти счастливых лет нашего брака, когда я съел двух твоих мужей и избил пятьдесят девять юношей, которые являлись твоими потенциальными будущими мужьями? — наивно произнес Бальтазар с искренним удивлением. Ни капли той артистичности, которая была во всех его других фразах. Он встал со своего стула.

— Уйди, — процедила Сальватора, указывая пальцем на дверной проём и смотря в пол. — И стену в моей библиотеке почини. Она только моя. А ещё раз увижу окно в твоё подземное логово, разозлюсь, и будет не очень хорошо для всех.

Он медленно подошёл к ней.

— И не целуй меня, — строго сказала девушка. — Я из-за этого начинаю забывать то, что говорила.

— Но разве не в этом смысл поцелуя?

Мужчина наклонился к ней и начал страстно целовать. Наверное, ему бы не удавалось так легко успокаивать её, если бы он не умел так классно целоваться. Поцелуй закончился, и Бальтазар медленно отстранился, любуясь её лицом. Сальватора была расслабленной.

— Ну вот... — она снова успокоилась. — И о чём я до этого говорила?

Бальтазар улыбнулся.

— О том, что я должен уйти, — подсказал он.

— Да, вали отсюда, — опомнившись, Сальватора начала раздражённо толкать его в спину и вскоре выпроводила его из кабинета, закрыв дверь.

— Может, покажешь мне для начала, как работает твой волшебный лифт? — раздалось из-за двери. Девушка закатила глаза и вышла из кабинета.

— Пошли, — Сальватора посмотрела на время на телефоне.

— И что, даже не покажешь по дороге мне свою спальню?

— Размечтался. Заведи себе любовницу, она тебе всё и покажет. И главный вход, и спальню, и главный выход.

— Неужели ты меня совсем не хочешь?

— Бальтазар, иди к чёртовой матери. Сегодня ты отсюда сваливаешь, и, учитывая, что сейчас уже утро, в обед, когда я, сонно потягиваясь, спущусь в свою библиотеку, дыра в стене должна исчезнуть. А после этого я иду праздновать это в клуб, где я буду создавать свою нормальную личную жизнь, — она провела его до кладовки.

— Я тебе схожу в клуб! — Бальтазар ревниво скрестил руки.

— Спускаться так же, как и подниматься. Топни девять раз вон там, — она указала ему на то место, где стояла старая швабра.

Он стоял, смотря на неё, как будто бы она нарушала какой-то очень серьёзный запрет.

— Давай «до свидания» уже что ли, — раздражённо и одновременно сонно сказала Сальватора, ожидая, когда он начнет топать в углу кладовки, чтобы спуститься вниз.

— Я никуда не уйду, зная, что ты завтра заведешь себе жениха.

— Не волнуйся, милый, это будет только на одну ночь, — ехидно и деревянно улыбнувшись, заметила Сальватора. — А не на пять проклятых лет, как у нас с тобой.

Бальтазар всё ещё стоял и смотрел на неё, видимо, ожидая, когда она заберёт свои слова назад.

— А почему я любовниц не завожу, а ты заводишь себе любовников? — раздражённо заметил он, скрестив руки и упрямо ожидая ответа.

— Да брось, ты — и без любовниц? Тогда ты прям святая Дева Мария. Короче, ты знаешь ход своих действий в кладовке, чтобы спуститься вниз. А я спать, — зевнув, Сальватора развернулась, чтобы уйти, но Бальтазар схватил её за руку.

— Я набью морду твоему жениху, — ласково предупредил он её. — А тебя отпорю.

— БДСМ тебе не к лицу. Тем более, ты не бьёшь женщин, так как ты настоящий мужчина.

— Ну, радуется, что хоть не Джастин Бибер, —

ворчливо заметил он.

Сальватора подавилась смехом.

— А ты знаешь, кто это такой? — вытирая слёзы, выступившие из-за смеха, она согнулась пополам.

— Некоторые человеческие штучки и до нас доходят.

— А как до вас дошёл Джастин Бибер?

— Хватит уже о нём.

— Спокойной ночи.

— Ты куда?

— Спать.

— Может, пойдёшь ко мне? У меня тут недалеко, — он указал вниз, на её подземную библиотеку.

Сальватора ещё раз подавилась смехом, на пару секунд согнувшись пополам.

— Извини, но моя спальня ближе, — подняв руки, словно бы сдаваясь, произнесла девушка.

— Тогда я к тебе, — прильнул к ней мужчина.

— Я же тебе сказала, иди отсюда к себе. Завтра в обед в моей библиотеке должна быть тишина и покой.

— А спорим, ты сейчас забудешь о том, что сказала?

— Что? — он начал снова её целовать.

Глава 3

Константина сегодня не разбудил будильник.

Наверное, это произошло ещё и благодаря тому, что сегодня выходные.

Но он проснулся с одной мыслью: надо узнать всё у Сальваторы. Всё-таки, он должен знать правду, раз они семья. Бальтазара он в эту семью не включал.

Мальчик со взъерошенными волосами и в синей пижаме осторожно замер перед дверью в спальню Сальваторы. Он хотел было постучать, но тут дверь сама открылась, и оттуда вышел довольный Бальтазар в своих очках с затемнёнными стеклами.

— Ты ночью никаких криков не слышал? — с интересом спросил мужчина, наклонившись к нему.

— Нет, — почему-то Константин не был удивлён этим вопросом. — Что, хотели сделать мне сестру?

— Может быть. Вот, — мужчина протянул ему маленькую бумажку со своим номером. — Если она пойдёт с кем-нибудь в кино сегодня или в клуб, позвони.

— Я не буду этого делать, — с раздражением сказал Константин. — Это её личная жизнь.

— Я — её личная жизнь, — выпрямившись, с таким же раздражением ответил Бальтазар и скрестил руки.

— Ну, тогда сами за ней и следите, — мальчик сунул ему обратно бумажку.

— А если я тебе что-нибудь взамен дам? — взяв мальчика за плечо, мужчина прикрыл дверь в комнату и отошёл, чтобы Сальватора не слышала.

— Например? — спросил с интересом Константин. Он представил себе маленького светящегося крота или зайчика. А потом решил, что это глупая мысль. Хотя, может быть, ему подарят человека-паука в засушенном и уменьшенном виде?

— Маленькую летающую тарелку, — радостно произнёс Бальтазар, подумав, что мальчик не промах.

— Вы лжёте, — Константин решил, что перед ним шарлатан. Конечно, летающие тарелки. А он, Константин, как дурак, уши тут развесил. Тьфу!

— Нет. Тем более, после того, что ты вчера увидел, ты не должен удивляться моему предложению, — Бальтазар говорил тихим и вкрадчивым голосом.

— Эмм... тогда да, — Константин решил просто согласиться, ведь неизвестно что на самом деле этот мужчина подарит — в любом случае, это будет что-то необычное. — Хорошо. Если она пойдёт, я сообщу.

— Молодец. Из тебя растёт отменный союзник, — радостно поблагодарил его Бальтазар.

Мужчина, насвистывая какую-то незнакомую

мелодию, направился в кладовку и вскоре исчез.

* * *

Мистер Спотс, приготовив им завтрак, быстро скрылся, бросив на Сальватору пару косых взглядов и промямлив Константину нечто наподобие приветствия. Девушка сидела в одном конце длинного обеденного стола, накрытого белой скатертью, а Константин — на другом.

— С добрым утром, Константин, — не смотря на то, что она, скорее всего, так и не спала всю ночь, она выглядела очень бодрой и спокойной.

— С добрым утром, — неуверенно отозвался Константин. У него накопилось много вопросов, ответы на которые могла дать только Сальватора.

— Прежде, чем ты задашь свои вопросы, я сделаю остановку на одном моменте, — Девушка поставила чашку чая и задумчиво скрестила пальцы рук, облокотившись о стол. — Думаю, ты видел уже достаточно, чтобы понять, что то, что я говорю — истина. На свете существует всё. И драконы, и феи, и так далее.

Константин, не ожидавший таких слов, поначалу забыл вообще, что он здесь делает. Но затем его охватил восторг.

Мальчик радостно вскочил со стула и стал бегать по огромной комнате. Выхватив меч из

доспехов рыцаря, он торжественно поднял его над головой, совершенно забыв о тяжелом весе данного холодного оружия. Константин представил себя рыцарем, который может одолеть огромного дракона или же просто победить в схватке с любой нечистью.

— Я так и знал! — восторженно сказал мальчик.

— У пятидесяти процентов взрослых примерно такая же реакция, как у тебя, — тихо засмеялась Сальватора, отпивая чай. Ей было легче, после того, как она сказала правду мальчику. Иначе бы пришлось без конца лгать, чего она не любила делать.

— А домовые существуют? — спросил Константин с интересом. Ему хотелось уже всё узнать точно. Чтобы потом он уже определённо знал, что есть, а чего нет.

— Да.

— Ну, в них я не сомневался, — уверенно сказал мальчик. — А вампиры и оборотни?

— Тоже.

— Ты их боишься? — Константин подошёл поближе к Сальваторе, чтобы внимательно следить за каждым её ответом. На его лице было написано жгучее любопытство. Девушка кушала с самым спокойным видом, словно они говорили с ним о самых обыденных вещах повседневности.

— Нет, — на губах Сальваторы мелькнула легкая улыбка, прежде чем она опустила взгляд в тарелку.

— А вампиры — страшные? — Константин помнил, что читал много легенд о них. И практически везде это были дряхлые старики с обвисшей кожей и со свечами в руках, крадущиеся по подземным лабиринтам.

— Ну, так-то нет, — девушка вытерла рот салфеткой, глядя на мальчика. — Но те, в ком очень много крови Каина, то есть, древние, они, когда превращаются, то страшные. А так они в принципе выглядят как немного бледноватые люди с чёрными волосами и всегда прохладной кожей.

— Почему у них «чёрные» волосы? — решил уточнить Константин.

— Потому что когда человек умирает, его волосы темнеют, так как они отмирают тоже.

В этот момент Константин забыл о мече, и тот, выскользнув из его рук, упал, ударив его головкой рукоятки по лбу, и с грохотом и звоном приземлился на землю.

— Ух ты, — потирая ушибленное место, только и сказал Константин. В голове всё гудело после удара мечом.

— Всё в порядке? — Сальваторя протянула ему руку.

— Да, — он взял её за руку, и она помогла ему

подняться. Девушка погладила его по больному месту.

— Будь осторожнее с мечами, — строго сказала она. — Они не игрушки.

— Почему ты не можешь развестись с Бальтазаром, раз ты его не любишь? — переключился мальчик.

— По его законам я разведусь с ним только в том случае, если отрублю себе руку с татуировкой, символизирующей то, что я за ним замужем.

— А кто вообще такой этот Бальтазар? Он вампир? — затем, пока Сальватора смеялась, одну секунду поразмыслив (Константин вспомнил о том, что этот мужчина живёт под землёй), он выпалил ещё одно предположение. — Или гном? — теперь мальчик вспомнил о росте Бальтазара и подумал, что эта версия тоже неправильна.

— Он иллюминат, — со смехом сказала девушка. — Получеловек-полузмея.

— По мифу об Адаме и Еве именно змей соблазнил Еву, — задумчиво почесал затылок Константин. — Хотя, судя по красоте Бальтазара, неудивительно, что и ты соблазнилась.

— Змеи издревле были символами красоты и мудрости. Иллюминаты все живут под землёй. Там они хранят свои тайные знания, о которых мало кому что известно, даже вампирам или оборотням. Иллюминаты — самые умные существа на земле,

как и драконы, они гораздо умнее вампиров и оборотней. Бальтазар — король иллюминатов... точнее, принц. Сын короля иллюминатов, — с улыбкой глядя его по голове, рассказывала Сальватора.

— Гм. А почему Бальтазар так странно выговаривает букву «Ш» и «С»? Потому что он змей?

— Да.

— А когда ты тогда... ну, в библиотеке... когда ты выдыхала... мне показалось, что ты хотела сделать нечто другое...

— Я хотела оскалиться. Это бывает, когда меня доводят. А вздох помогает немного взять себя в руки и не пугать людей, — у Сальваторы мелькнула мысль, что вопросы у Константина никогда не закончатся. От этого ей стало смешно. Девушка улыбалась, глядя его по голове.

— Понятно... — мальчик с более пылким интересом вглядывался в стены поместья. Ему казалось, что наверняка здесь ещё куча потайных ходов, о которых никому неизвестно. И он обязательно всех их найдёт! — Почему у тебя в библиотеке чупакабра? Они же опасны. Я читал о них много в газетах и книгах. Они могут съесть человека...

— Люди приврали. Чупакабра — это вообще плод экспериментов Шабаша, враждебного

вампирского клана. Это гибрид человека, змеи и волка. Они очень быстро привязываются к людям. Очень добродушны и не опасны, отлично плавают. У них даже силы особой-то нет... от них даже ребёнок может отбиться.

Константин покраснел. Ему стало стыдно, что он тогда так сильно напугался в библиотеке. Но, с другой стороны, теперь он может спать спокойно. Ведь если эта тварь вылезет из библиотеки и прокрадется к нему в комнату, она точно не станет его съедать.

— Мою чупакабру зовут Фиона, — будничным тоном продолжила Сальватора. — Я кормлю её обычным мясом и водой. Балую чем-либо не так часто. Она у меня отпугивает воришек своим видом.

— А в твою библиотеку кто-нибудь до меня проникал?

— Нет... кроме Бальтазара, — она неожиданно нахмурилась. — Который раз он уже проникает в мою библиотеку.

— А зачем он это делает? — Константин почувствовал ревность. Его маму не должен никто обкрадывать, и тем более, забирать у него!

— В основном он хочет перетаскать мои книги в своё царство под землю, то есть, вниз. Да ещё и хочет, чтобы я с ним жить туда ушла.

— Как ты пишешь книги на мёртвых языках и

одновременно не являешься их автором? — продолжил он, сунув в рот много каши, которую приготовил мистер Спотс. Мальчик смахивал немного на хомяка из-за набитых едой щёк.

— Моя мама имела такую способность, и она передалась мне. Сконцентрировавшись, я могу написать текст о том, на что настраиваюсь. Но я пишу только древние тексты, на мёртвых языках. Некоторые символы даже с Атлантиды, — произнесла серьёзно Сальватора.

— Круфо... — Константин замер с набитыми щеками, глядя широко распахнутыми глазами на окно напротив себя. — Афланфифа суфествует, — мальчик выглядел забавно. Сальватора, прикрыв ладонью рот, тихо засмеялась.

— Скорее, существовала. Это, судя по дневнику моей мамы, был корабль иллюминатов, который люди считали материком. Люди знают очень мало правды, Константин, да и сами потом достраивают её выдумками.

— Откуда плавающий рот с рыбьим хвостом в банке? — откусив немного хлеба, продолжил расспросы мальчик.

— Подарок от одного вампира из Шабаша.

— Почему библиотека под землёй находится?

— Чтобы никто в неё не заходил.

— Почему мистер Спотс тебя ненавидит?

Сальватора впервые за всё время, что он с ней

жил, посмотрела с сожалением и сочувствием в сторону. Девушка подумала, что зря Константин интересуется этой историей.

— Это слишком грустная история, Константин, — сказала девушка печальным голосом. — Она тебе не понравится.

— И всё же, я хочу знать.

Пару минут Сальватора сидела молча и не ела, глядя без каких-либо эмоций в сторону.

Потом только заговорила.

— Я расскажу тебе её только тогда, когда ты узнаешь, кем работаю я... и еще один мой главный секрет.

— Ладно-то, первую часть твоего ответа я понял. Понял, что там надо узнать. А второе... второе — это то, что мне нужно отгадать твой секрет? То есть, в чём тайна твоего секрета?... — не понимал мальчик. — Второе узнать практически невозможно. Я попробую, но всё же, не уверен...

— Рано или поздно ты всё узнаешь, — серьёзно сказала Сальватора и решила сменить тему разговора. — Бальтазар уже обещал подарить тебе маленькую летающую тарелку?

— Да... — мальчик замер. Его рука, в которой он держал ложку с кашей, застыла в воздухе. — А откуда ты фнаефь?

— Да он всем её обещает, — пожала плечами Сальватора.

— И фто, не сфержит обефание? — испуганно спросил Константин с набитыми щеками. Мальчика больше волновала его награда, потому что он уже решил служить этому странному типу в очках.

— Держит... просто лучше попроси у него что-нибудь... по-полезнее. И у него есть много чего интересного.

— Например?

— Спросишь у него сам, — девушка встала и, накинув плащ на плечи, надела широкополую шляпу.

— Ты куда? — спросил Константин.

— Хочу прогуляться в лесу. Пойдёшь со мной?

Константин повернул голову в сторону огромного окна, из которого открывался замечательный вид на речку и красивый лес. Когда он развернулся обратно, его глаза были полны восхищения.

— Да, — он, быстро дожевав кашу, вскочил с места и тоже набросил на себя тёплые вещи.

— Константин, — закатила глаза Сальватора. — Ты надел куртку поверх пижамы, — она скрестила руки.

— Ой, точно... — заметил Константин. — Сейчас переоденусь.

Он пулей побежал на второй этаж. Через минуту он уже стоял полностью одетый, и они

вышли.

— А если бы я не заметила?... Заболел ведь бы, — сказала девушка, внимательно осматривая его.

— Я был в эйфории, поэтому и не заметил, — серьёзным тоном сказал Константин.

Сальватора засмеялась над его серьёзным видом.

Они спускались по узкой тропинке с горы в лес.

— А в лесу здесь страшно? — взволнованно продолжил допрос мальчик.

— Ну, смотря кому. Но ночью здесь лучше не шастать — опасно.

— Хищники? — сузив глаза, предположил Константин. Он уже представлял себя отважным охотником, который идёт по следу неизвестного зверя.

— И оборотни, — добавила Сальватора.

Мальчик лишь с более пылким интересом стал всматриваться в деревья.

— Может быть, ты не боишься вампиров и оборотней потому, что ты охотница на нечисть?

— Нет. Но охотники меня открыто ненавидят, — девушка больше не улыбалась. Она была очень настороженной. Иногда Константину казалось, что она принюхивается.

— Слушай... а почему у тебя в спальне я один

раз видел пантеру?

— Я понимаю язык животных и потому легко уживаюсь с ними... даже с хищниками. Порою общаться с животными гораздо приятнее, чем с людьми, ведь животные прямо и открыто говорят свои мысли... только, в основном, они разговаривают на том языке, который человек не способен услышать. Иногда люди называют это телепатией. Ту пантеру зовут Багирой. Банально, да? — Сальватора усмехнулась, хотя её глаза оставались бдительными. — Обычно Багира не любит гостей.

Вокруг них уже был лес. Высокие хвойные деревья казались величественными и таинственными, пару раз Константин даже услышал крик совы.

— А люди не знают о существовании нечисти?

— Как правило, нет. Но некоторые знали. Почитай Булгакова. Он знал и писал правду. Или посмотри сериал про двух охотников «Сверхъестественное», там тот человек, который писал сценарий, знал много чего о нечистой силе, вот и выложил свои знания в фильме. Правда, люди всё равно не знают, что смотрят правду. И слава богу — от этого мир бы погрузился в хаос... люди ещё не разумны. Даже животные разумнее людей.

— А почему ты живёшь именно в Румынии?

— Ну, это та страна, которая не охотится за славой, в отличие от других стран. А это уже неплохой показатель наличия разума у тех, кто управляет ею. Здесь не вырубаются леса, есть хранение традиций... здесь мне просто хорошо. Я чувствую себя здесь самой собой. Плюс, шестьдесят процентов здесь — нечистая сила. Пятнадцать — оборотни, сорок пять — вампиры.

— А между ними и вправду война? Между оборотнями и вампирами?

— Да, вследствие отсутствия ярко выраженного интеллекта у некоторой части вампиров. Так бы мир между ними уже давно был.

— Это из-за Шабаша?

— Да.

— Почему?

— Я уже отвечала на этот вопрос... они враждебны и глупы. Кстати, есть ещё и Совет — противовес Шабаша.

— Почему у Шабаша нет интеллекта? — впервые Контантин чувствовал себя незнайкой в плане нечисти. В книгах, которые читал он, не было всего того, что знает Сальватора. Иногда мальчику казалось, что за ними кто-то издалека наблюдает. Но, несколько секунд поразмыслив над этим, Константин решил, что ему кажется. Зачем кому-то наблюдать за ним и его мамой?

— Потому что когда верх берёт не душа или

разум, а месть или что-либо потемнее, душа исчезает, пропадает сердце. Появляется вечная злость, убивающая разум. Верх занимают инстинкты, тёмные желания. Тогда перед тобой уже только животное, — ответила Сальватора, слегка сузив глаза и внимательно всё осматривая. — Хищник.

— Говоришь так, будто сама это прожила, — мальчику казалось, что у девушки нет желания разговаривать, так как она часто хмурилась. Сальватора ходила бесшумно. Константин рассеянно пинал камни по дороге.

— Всё возможно. Однако, у меня как-то был образ, что Шабаш побеждён. Совет ударил в самых главных, в центр этой секты, а пешки исчезли сами, фактически растворились.

— Ты видишь будущее? — Константин был рад узнать о ней что-то новое.

— Да. Прошрое тоже.

— А ты встречала хоть раз кого-нибудь из той или иной секты? — продолжил расспросы мальчик, задумчиво почесав затылок.

— Я убила сына одного вампира из Шабаша недавно, так как он убивал людей. Совет я не встречала. В принципе, меня никто ни из той группы, ни из этой не интересуется.

— Почему?

— Так как я вмешиваюсь в их жизнь, когда

они... начинают мешать людям.

Они ещё долго гуляли. Константин заваливал её вопросами, но в отличие от большинства других взрослых, ей было приятно на них отвечать, хоть она и хмурилась иногда. Наконец, уже стемнело. Серебряный месяц поднялся над высокими вековыми деревьями, а тёмно-синее, почти чёрное небо, было покрыто золотой россыпью звёзд. Лес странным образом затих, будто в ожидании.

— Может, ты просто скажешь, кем ты работаешь? И свой секрет? — продолжал расспросы мальчик. — Да, и почему Бальтазар носит очки?

— У него глаза змеиные, а носить линзы он не любит, поэтому очки носит... пригнись! — Сальватора резко сама присела и с огромной силой и скоростью надавила на голову Константина, посадив его на землю. Спустя миллисекунду в миллиметре над ней просвистела пуля, которая затем попала в ветки деревьев.

— Что это было, блин? — в шоке спросил мальчик, испуганно смотря на девушку широко распахнутыми глазами. Сердце мальчика начало быстрее биться о грудную клетку. На лице девушки он увидел ярость. Никогда ещё Сальватора не была такой злой при нём.

— Это наши проблемы... — девушка, сняв с себя плащ, протянула его ему. — Держи.

— Что за проблемы? — теперь Константину было страшно за них обоих. — Проинформируй меня хотя бы, чтобы я хоть знал перед смертью, по какой причине умер!

— Моя работа — консультант по нечистой силе. Некоторые меня называют психологом нечистой силы, но в этом тоже бывает доля правды. Охотники меня ненавидят потому, что я практически лишаю их смысла жизни — убивать нечисть. Недавно я убила оборотня, а после — сына одного из Шабаша. За каждую из этих голов обещалась большая награда, но я, как всегда, опередила их. И им это очень не понравилось.

Она сделала одежду на себе более свободной, расстегнув пару верхних пуговиц у платья и скинув сапоги. Девушка вскинула голову. Над её головой светила полная луна.

Вдруг, Константин увидел на её лице оскал. Он казался чисто волчьим... но потом мальчик понял, что больше это всё-таки смахивает на оскал пантеры в её комнате или любого другого хищника из семейства кошачьих. Мальчик отошёл на пару шагов, чувствуя ужас.

Она упала на живот. Её ногти начали удлиняться, становясь прочнее и острее.

Где-то в лесу раздавались громкие мужские крики. Видимо, охотники решили, что попали в Сальватору.

Зрачок девушки сузился. Цвет глаз остался таким же. Черты лица стали более резкими, а затем, судя по тому, как начала оттягиваться кожа на голове, череп начал менять форму.

Затем Сальватора провела по центральной части своего туловища когтём, делая глубокий надрез на коже сквозь порванную этим же когтём тканью. Кровь не вытекала из её надреза.

— Ты что, самоубийца? — крикнул Константин, схватившись за голову. Он был сильно напуган. Но не за себя, а за неё. Стрельба временно затихла. Но охотники были ближе.

Девушка кинула на него ещё один взгляд.

— Я... превращусь когда... ты садись мне на спину... понятно? — она говорила через силу, так как её голос становился похожим на рычание — лицо на несколько секунд стало человеческим, а затем Сальватора перевернулась вновь на живот, тихо зарычав, и вцепилась когтями в землю.

— Хорошо, — быстро помотал головой мальчик. У Константина мелькнула мысль, что у него наверное просто поехала крыша, вот он и видит то, чего на самом деле быть не должно... хотя, ему просто было очень страшно. Наверное, потому что то, что он видит, казалось ему необъяснимым.

Раздавался громкий хруст костей, которые под её кожей меняли свою форму и место

расположения. Пули засвистели над головой Константина, и он боялся, что они попадут в Сальватору. То и дело издали раздавались возгласы. Её кожа от места надреза начала выворачиваться наизнанку, которая была покрыта пушистым рыжеватым мехом. Одежду Сальватора порвала на себе уже острыми когтистыми полулапами-полуруками. Затем её тело стало крупнее. Процесс превращения был закончен — на порванной одежде величественно стояла крупная тигрица с голубыми глазами. Схватив её плащ и сапоги (остальное было разорвано), мальчик запрыгнул к ней на спину, обхватив руками за шею. Тигрица резво устремилась вперёд.

«Ты меня слышишь?» — раздалось в голове у мальчика.

Константин, который до этого момента сильно зажмурился от страха упасть или быть подстреленным, резко открыл глаза.

— Что? — вырвалось от удивления у него вслух.

«Это я, Сальватора...» — услышал он в своей голове.

— Правда? — забывшись, мальчик оторвал голову от пушистой шерсти, захотев посмотреть в глаза хищнице, но не смог — это было неудобно, да к тому же, он мог упасть. Пули всё ещё свистели над ними.

«Нет, кривда! — весело раздалось у него в голове. — Не потеряй мои вещи. Голову опусти. Глаза лучше закрой. Держись крепко...»

— Почему я тебя слышу? — спросил с интересом Константин, забыв о том, что им стреляют вслед.

«Константин, вот сейчас просто самый лучший момент, чтобы включить твоего почемучку!.. Давай я объясню тебе позже, хорошо?»

Константин честно сдержался и решил, что сейчас действительно не время для вопросов. Вцепившись сильнее, он закрыл глаза от страха. Сальватора бежала огромными прыжками, каждый из которых был примерно метров по десять, но приземлялась при этом довольно мягко. Мальчик чувствовал порывы прохладного ветра на лице. Однако по его спине пробегал холодок, так как он боялся, что они не успеют убежать от охотников.

Вдруг, впереди возникли непроходимые заросли. Тигрица, поняв, что её загнали в тупик, громко зарычала.

«Они не отцепятся. Беги без меня...» — услышал Константин.

— Нет! — почти крикнул в ответ мальчик отчаянным голосом. Константин не хотел, чтобы она умерла. Он знал, что для неё это хорошим не закончится. Мальчик вспомнил, как уже потерял

когда-то одну свою маму. Вторую он потерять не хотел.

«Слушайся меня, Константин. Я несу ответственность за твою жизнь. Беги без оглядки. Представь, что мы играем в прятки. Через двадцать минут я отыщу тебя по запаху. Беги. Ну, живо!» — хищница стряхнула его с себя.

Константин, недоверчиво на неё посмотрев, кинулся бежать, перепрыгивая через кусты, закрывая руками голову от острых веток. Обернувшись, он увидел, что у Сальваторы течёт кровь из правого плеча. Тем не менее, тигрица ринулась обратно.

Мальчик остановился. Отсюда его не видно, но зато ему было видно все.

Их было десять. Между охотниками было расстояние по пятьдесят-сто метров, видимо, чтобы пока нападают на одного, другой мог выстрелить нападающему в спину. На каждом был небольшой плащ и болотные сапоги. У мужчин в руках были ружья, в ножнах на ремнях торчали разного вида холодные оружия, которые, как понял мальчик, из серебра: сабли, ножи и так далее.

Ловко запрыгнув на дерево, тигрица, очень резво отталкиваясь от веток одних и приземляясь на ветки других деревьев, бежала к прямиком ним. Пули не попадали в неё, а из её плеча струилась ручьём ярко-алая кровь, стекающая с рыжеватой

полосатой шерсти и капающая на ветки деревьев и землю. Наконец, тигрица прыгнула на одного из головорезов и пробила мощными лапами ему грудную клетку. Он был мертв.

Ещё одним быстрым прыжком она вновь скрылась в деревьях, неуловимо ускользая от пуль.

Вдруг, Константин почувствовал, как по его ноге что-то ползёт. Опустив взгляд вниз, он увидел ядовитую гадюку и перестал шевелиться. В нескольких метрах ползала вторая. Мальчик усмехнулся.

— Она сейчас ускользнёт у нас из-под носа! — крикнул один из охотников, показывая пальцем в сторону раскачивающихся деревьев. — Все вперёд, живо!

Тут уже Константин, прятаясь в зарослях, не выдержал. Он вышел оттуда и встал в нескольких метрах от них.

— Не трогайте её, она ничего вам не делала! — крикнул мальчик. Он сильно боялся, что они могут навредить Сальваторе. О себе он не думал в тот момент. Константин понимал, что его могут убить, но ему важнее была не его жизнь, а жизнь Сальваторы. Потому что она была единственным человеком на земле, которому он был нужен.

— Смотри-ка что, — удивлённо произнёс один охотник, засунув сигарету в рот и задумчиво

на него глядя, сощутив один глаз. — А этот мальчуган с ней же вроде был, — у мужчины была небольшая шляпа, из-под которой светилась сигарета, словно ещё одна маленькая звёздочка в темноте. Луна была прямо над его головой. Лицо было не очень хорошо видно, кроме его глаз, в которых отражался свет от сигареты. — Думаю, она сюда за ним вернётся, если её припугнуть.

— Тоже так думаю... давай привяжем его, — ответил другой.

— Как не стыдно вмешивать в свои грязные дела детей, — заметил с ненавистью и отвращением Константин.

— Жизнь вообще сложная штука, парень, — сухо произнёс первый охотник с сигаретой и сделал шаг в его сторону.

— Советую не разнообразить свою жизнь лишней опасностью, — веско заметил мальчик и, перевернув ладонями вверх обе руки, показал выползающих змей из-под рукавов на кисти рук.

— Да ты сумасшедший! — немного удивлённо воскликнул один их охотников, отпрянув.

— Может быть, я и сумасшедший, но зато разумнее вас, — отрезал Константин. Мальчик был уверен, что они не смогут ему ничего сделать — эти змеи были очень ядовиты, и если не наладить с ними контакт, как он, когда начал их гладить, то

вряд ли ты сможешь выжить.

— Ладно, хрен с этим мелким самоубийцей, найдем её так... — махнули рукой охотники, перестав обращать на него внимание.

Тут раздался крик.

Тигрица, которая, как оказалось, незаметно к ним подкралась, оторвала зубами и клыками голову одному из них. Затем, не мешкая, вцепилась зубами ему в солнечное сплетение и швырнула мёртвый труп в сгруппировавшихся охотников вокруг Константина, который выпустил из рукавов змей на волю. Затем, быстрым прыжком она допрыгнула и разорвала двух, которых не смогла сбить с ног трупом и вернулась к оставшимся. Через минуту все были убиты.

Развернувшись к мальчику, тигрица, всё ещё скалясь, начала подходить ближе с хищной грацией. Вся морда прекрасного хищника была измазана в человеческой крови, которая, стекая по шерсти и зубам, капала на землю. Из её плеча всё ещё струилась кровь, но Константин заметил, что у неё было ещё одно пулевое ранение. Только оно было практически рядом с сердцем. В голубых глазах практически ничего не отражалось. Однако, мальчик прочёл во взгляде хищницы всю ярость, злость, с которой она недавно разорвала мужчин. Константин, не двигаясь с места, смотрел тигрице в глаза. Хищница шла к нему, мотая хвостом и

облизываясь, чтобы закусить.

— Сальватора? — позвал мальчик тихим голосом. Константину было страшно теперь за себя.

Тигрица закрыла глаза, помотав головой. Когда она вновь их открыла, то в её зеркально-голубых глазах Константин вновь увидел своё отражение и отражение всего, что находится вокруг.

Она что-то тихо прорычала себе под нос, опустив морду и раздражённо ударив лапой по земле, будто выругалась и упала. Шерстяной покров начал выворачиваться на изнаночную сторону — человеческую кожу.

И вскоре в траве лежала Сальватора, измазанная в крови и совершенно голая.

— Ты... сохр... анил мои вь... вещи? — тихо спросила она. Её лицо было бледным, руки слегка тряслись.

— Да, — Константин быстро побежал к кустам, где их спрятал, схватил их и прибежал обратно. Укрыв Сальватору её чёрным плащом, он натянул ей сапоги на ноги и сел рядом.

— К... Конс... тин... — её взгляд был блуждающим, словно в лихорадке. — П-прост... ти... м-меня... — ей трудно было даже говорить.

Мальчик боялся, что она умрёт. Он собрал ветки деревьев, сложил их в небольшую кучу и поджёт серебряной зажигалкой с изображением

оскаленного волка, которую нашёл в кармане у одного из охотника. Положив зажигалку к себе в карман, Константин посмотрел на бледную, как полотно, Сальватору и на костёр. Он, снова встав, побежал к трупам охотников и быстро стянул с них несколько плащей. Мальчик, недолго думая, начал отрывать ненужные детали этих вещей.

— Что ты хочешь сделать? — болезненным голосом спросила Сальватора, повернув к нему голову в сторону костра.

— То, на чём я тебя притащу обратно домой, — скрывая тревогу в голосе, сказал Константин, стоя спиной к ней.

— Константин... — она тихо вздохнула, набирая силы, чтобы говорить. — Ты не сможешь. Со мной всё будет хорошо, вот увидишь.

— Не тебе решать, что я могу, а что не могу, — Константин чувствовал себя взрослым. Ведь когда ты взрослый, то ты несешь ответственность за тех, кого любишь.

Она лишь промолчала. Её кровь, которая протекла сквозь пальто, уже сделала кровавую лужу возле неё.

— Мой телефон... — сказала Сальватора. — Найди его... он должен быть в кармане моего пальто.

Константин, порывшись, нашёл там телефон.

— Набирай номер, — девушка начала

произносить вслух цифры.

— А кому я звоню? — мальчик поднёс телефон к уху, слушая гудки. Константин решил, что Сальватора продиктовала ему номер скорой помощи.

— Мистеру Спотсу.

— А как я ему объясню, что ты ранена? — мальчик перестал слушать гудки.

— А кто сказал, что ты звонишь ему, чтобы сообщить обо мне? — Сальватора чувствовала злость. «Константин должен был вообще уйти отсюда, а он остался! Как же он теперь сможет вернуться?» — думала она.

— Но мистер Спотс ничего не знает!.. — воскликнул Константин и развёл руками. А затем его выражение лица стало вопросительным, и он изогнул одну бровь. — А мистер Спотс ничего не знает?...

— О мире нечистой силы он ни черта не знает, — строго сказала девушка. — Поэтому ты должен сказать ему, чтобы он забрал тебя.

Константин раздражённо сбросил вызов.

— Ты сошла с ума?... Я не могу оставить тебя здесь одну умирать!.. — он от злости и отчаяния хотел запульнуть куда подальше её телефон, но вовремя себя сдержал. Ему было страшно за неё. Сальватора ведь даже не знает, как он переживает за её жизнь!

— Константин, а теперь послушай меня, — начала объяснять девушка, сдерживая гнев. — Я не смогу объяснить человеку, подозревающего меня во всех преступлениях в округе, почему я вся в пулевых ранениях и практически не одетая. Ты скажешь, что ты заблудился, ушёл посмотреть на зайчика, увидел странного ежика, побежал за смешной лисичкой. Придумаешь, короче. А меня ты оставишь здесь. Со мной ничего плохого не произойдет.

— Сальватора, ты специально делаешь мне больнее?! — с бессилием и злостью сказал Константин. На лице Сальваторы стали проступать животные черты, она оскалилась. Константину было обидно, что его мама так с ним поступает.

— У меня есть ещё немного сил, чтобы подбросить тебя до ближайшей асфальтированной дороги... Садись! — она поменяла форму, вновь обернувшись тигрицей.

Мальчик запрыгнул ей на спину и обхватил руками шею. Хищница резко сорвалась с места и побежала вперёд, протаптывая тропику мощными лапами в тех местах, где люди бы никогда не прошли.

Ветер стал холоднее. Было очень темно. Тучи закрыли половину луны на звездном небе.

Наконец, впереди появился серый асфальт.

Тигрица остановилась и стряхнула с себя

мальчика.

«Звони мистеру Спотсу при мне...» — раздался в его голове строгий голос.

— Хорошо, — скрипя зубами, произнёс Константин. Мальчик чувствовал себя вновь потерянным и никому не нужным. Сальватора не сможет выжить с такими ранами без медицинской помощи, а это значило, что он вновь останется один. Константин набрал снова тот же номер. — Алло, здравствуйте, мистер Спотс.

— Здравствуй, молодой джентльмен. Не слишком ли поздно для звонков? — голос дворецкого был сонным.

— Я потерялся в лесу... — наигранно плаксивым голосом произнёс мальчик. За годы в детском доме он научился играть любую эмоцию, словно был актёром. Впрочем, там все умели играть роли.

— К... как? — не поверил старик. Судя по голосу, он нахмурился. — А почему ты звонишь с телефона мисс Дарк?

— Я... я не нашёл свой и решил взять её, так как...

— Ты давно потерялся? — из телефона раздавались звуки возни, видимо, мистер Спотс в спешке набрасывал на себя вещи.

— Уже... — Константин решил соврать. — Я настолько испуган, что не помню... — плаксиво

произнёс мальчик.

— Хорошо.

— Плохо.

— Где ты сейчас находишься, можешь определить? — в трубке раздалось хлопание дверями и громкий топот мистера Спотса.

— Эмм...

«Асфальтированная дорога, пятьдесят девять километров в сторону юга...» — послышался в голове мальчика голос Сальваторы.

— Асфальтированная дорога, в сторону юга, по-моему...

— Ты стоишь на обочине?

— Да...

— Я приеду на чёрной приоре. Увидишь вдалеке другие машины — не показывайся. Жди меня. Понял?

— Хорошо.

— Выезжаю, — раздался визг колёс.

Через промежуток времени, чуть превышающий один час, чёрная приора появилась впереди, светя фарами.

Константин, несколько минут смотря вперёд на чёрную машину, оглянулся в поисках Сальваторы — но её рядом не было.

Губы мальчика сжались в тонкую полоску. Он боялся. Ему было больно осознавать, что теперь он вновь останется один.

Машина резко затормозила перед ним. Мистер Спотс быстро укрыл мальчика чёрным тёплым пледом под ярким светом луны, внимательно его осмотрел и посадил в машину. Старик включил свет.

— Попей, это горячий шоколад, — старик налил из термоса горячий шоколад в бокал и протянул мальчику.

Константин начал пить жадными глотками. Мистер Спотс сонно потёр глаза.

— Как же тебя так угораздило, — тихо произнёс старик.

— Я... сам не понимаю, — Константин смотрел из окна машины на хвойный лес, над которым ярко светила луна.

— Ты напился? — протирая глаза, старик указал на горячий шоколад.

— Да, — кивнул мальчик. Из-за того, что Константин был сейчас более молчаливым, чем обычно, и вид у него был абсолютно подавленный, мистер Спотс не заподозрил никакого обмана. Старику было жалко его.

— Мисс Дарк была дома, когда ты вышел? — заботливо спросил мистер Спотс.

— Нет, — Константину стало заметно лучше. Только вид у него всё равно был несчастный.

— Гм, — произнёс старик, нахмурившись. — Тогда я повезу тебя к себе. Завтра утром отвезу тебя

к ней. До меня ближе просто... да и за тобой присмотреть надо, рядом быть... не дай бог ещё что натворишь... а в её доме я, как ты видишь, ночевать не стану.

«Похоже, когда мистер Спотс сонный, он начинает говорить свои мысли вслух, а не молчит, как обычно...» — мелькнула мысль у мальчика.

— Хорошо, — кивнул Константин.

Старик погасил в машине свет, и они медленно и осторожно поехали по освещённой луной и звёздами дороге. Константин обернулся, смотря сквозь заднее стекло на лес. Во тьме мелькнула тень, будто кто-то, наблюдавший с веток деревьев, прыгнул и скрылся. Сердце мальчика сжалось — он боялся, что больше никогда не увидит Сальватору. Мистер Спотс хмуро смотрел вперёд, следя за дорогой и о чём-то думая.

В голове мальчика начали, как назло, снова всплывать воспоминания.

— *Мама, а почему люди умирают?* — спросил маленький Константин, держа руки в карманах, которые были набиты простыми и цветными карандашами.

Она поправила его новую рубашку и ласково посмотрела ему в глаза. Константин чувствовал страх за неё, но не мог понять, почему именно.

— *Костя, к чему такие вопросы?* — его мама заправила кудрявую светлую прядь за ухо. *На ней*

было синее платье. Женщина собиралась пойти в ресторан с Александром. — Ты что-то видел?

— Нет, — мальчик пожал плечами. — Я просто об этом подумал. Просто очень непонятно... но я так этого боюсь.

— Ты боишься умереть? — она встала. Её платье было до пола и смотрелось на ней элегантно. В театре, в который её пригласил отчим Константина, собираются самые влиятельные персоны этого города, в том числе и начальник Александра (это Константин подслушал из разговора взрослых).

— Я боюсь, что ты умрёшь, — сказал мальчик и опустил взгляд, боясь показать свой страх. Константин чувствовал опасность, но не мог понять, откуда же она исходит. От этого ему становилось не по себе.

Светлана улыбнулась и, присев, обняла его.

— Я никогда не умру, Константин, — сказала Светлана, посмотрев ему в глаза и погладив по голове.

— Ты мне это обещаешь? — спросил мальчик. Его мама чуть отстранилась, чтобы посмотреть ему в лицо. Константин чувствовал облегчение от того, что наконец признался своей маме в своих страхах.

— Я обещаю, — произнесла она очень серьёзным голосом. — Я всегда буду рядом.

— Тогда... — мальчик задумался. Константин решил, что мама его не станет обманывать. — Тогда хорошо.

— Какой-то ты у меня слишком серьёзный для своего возраста, — засмеялась его мама и встала.

— Почему? — спросил с интересом Константин.

Она лишь засмеялась с большей силой.

— Потому что ты уникален, — погладив его по голове, ласково произнесла она.

— Честно говоря, твои последние слова мне ничего не объяснили, — не понял Константин, внимательно глядя ей в глаза.

— Хочешь со мной в театр? — решила сменить тему Светлана.

«Она переводит тему?» — задумался мальчик.

— А там будет Саша? — спросил он. Константину не нравился его отчим.

— Конечно же, будет... — его мама была немного удивлена вопросом сына.

— Тогда, я, наверное, буду дома, — Константин боялся признаться, что от отчима его воротит.

— Костя, тебе не нравится Саша? — она сначала немного потупила взгляд, но потом всё же посмотрела на мальчика. Светлана была огорчена.

Женщина тяжело выдохнула.

— Я не могу тебе ответить на этот вопрос, — пряча взгляд, произнес Константин, чувствуя себя неловко.

— Почему? — расстроено спросила Светлана.

— Просто... не могу, — мальчик отвернулся от мамы, глядя в зеркало, в котором она отражалась. Его мама замерла, не зная, что сказать сыну. Константин залюбовался Светланой. Сейчас, когда Светлана замерла на несколько секунд, она казалась Константину прекрасной статуей, выполненной гениальным скульптором.

Мальчик не знал, как ей объяснить то, что ему не нравится отчим. Константин, видя того или иного человека, как-то сразу понимал — хороший этот человек или нет. Как правило, его интуиция всегда работала на отлично. Только он не хотел и не задавался никогда вопросом, почему и откуда у него такая способность. Изредка, когда мальчику пытались навязать своё мнение на того или иного человека, или когда его мучили какие-то собственные подозрения, страхи или недоверие — тогда его интуиция могла притупиться. Но в том, что Александр — неприятный и странный человек, Константин не сомневался, однако, маме он этого рассказывать не хотел — он не желал

расстраивать её.

— Светлана! — раздалось на весь дом. В комнату зашёл Александр. На нём был чёрный костюм с белой рубашкой, расстёгнутой на одну пуговицу. У него было всегда немного бледноватое лицо, что он в шутку объяснял своей постоянной работой за компьютером. Его нос был слегка крючковатым, внешность была приятной, чёрные, немного вьющиеся волосы были зачесаны назад, в руке была алая роза. Он усмехнулся, увидев мальчика, и под его глазами появились маленькие складочки. Мужчина протянул Константину руку.

— Здравствуй, Костя, — Александр, как и обычно, смерил его оценивающим взглядом. Константин почувствовал злость. Никто и никогда не имеет права называть его Костей!

— Здравствуйте, — равнодушно ответил Константин. Он обязательно скажет маме, чтобы этот тип сюда больше не приходил. Мальчик уже ненавидел этого мужчину, потому что Александр прекрасно знал, что Константину не нравится, когда его называют Костей или Костечкой. Светлана много раз объясняла это своему мужчине.

Константин взял его за руку и почувствовал холодную, чуть влажную кожу.

— На улице был дождь... а я забыл перчатки, — объяснил, улыбаясь, мужчина, пожав

плечами, и отпустил руку Константина. Мальчик бросил взгляд в окно — там были гром, дождь и темень, освещаемая редкими вспышками молний. Константин чувствовал жгучую ненависть. Его словно ни во что не ставили в присутствие этого глупого типа!

— Я пойду с вами в театр, — улыбнулся мальчик. Его мама радостно посмотрела на него.

— Это здорово... сейчас, поднимусь наверх... я забыла сумку, — приподнимая подол платья, она быстро начала подниматься по ступенькам.

Константин поправил галстук и воротник рубашки, бросив беглый взгляд на мужчину. Он не хотел с ним разговаривать, но решил, что не оставит его со своей мамой наедине.

— Чем увлекаешься? — решил завязать разговор Александр. Константин, не поворачивая к нему головы, лишь покосился на него. Глаза Александра были полны ненависти к мальчику, которая была взаимной.

— Рисованием, — сказал с ревностью Константин. Он не хотел, чтобы его мама вообще когда-либо разговаривала с этим мужчиной.

— Почему такой серьезный? — Александру нравилось выводить мальчика из себя. Для этого было достаточно хотя бы произнести его имя не так, как ему нравится.

— К чему этот вопрос? — Константин

решил, что не даст себя в обиду. И маму тоже.

Александр лишь улыбнулся. Видимо, чтобы как-то замять немного неудачный для него момент разговора. Надо сказать, что порою Константин интуитивно чувствовал хорошее и в тех людях, который казались крайне неприятными другим. Тогда мальчик понял, что люди не всегда умеют себя правильно преподнести, показать себя настоящими, такими, какие они действительно есть. А злые люди, те, что поумнее, умели показывать себя иногда как добрейшие люди.

Константин потёр виски, возвращаясь в настоящее. Он снова оглянулся назад: тёмный лес с высокими, казавшимися чёрного цвета деревьями, стоял стеною с каждой стороны дороги. Где-то среди них, как подумал мальчик, умирает от потери крови его новая мама.

Мальчик не знал сейчас, как правильно ему на всё реагировать. Он не хотел жить своими воспоминаниями, но порою забывался и бесследно проваливался в их, словно в огромную тёмную пропасть.

Константин почувствовал острую необходимость поговорить с кем-нибудь, чтобы больше не попадать в плен прошлого.

— Может, хотя бы сейчас вы скажите, почему вы ненавидите Сальватору Дарк? — произнёс он еле слышно. Машина работала очень тихо, и

черный лес, затихший за стеклом автомобиля, казалось, подслушивает их разговор. Глядя на ночное светило, мальчик понимал, что не он один одинок в этом мире. Луна была всегда одной, даже не смотря на то, что вокруг бесконечное множество маленьких звезд. Может, поэтому мальчику всегда казалось, что она грустит.

Губы Мистера Спотса сжались в тонкую полоску. Константин понял, что не он один сейчас пребывал в своих воспоминаниях. Но старик молчал. Так прошло ещё пять минут.

— Десять лет назад, — начал неожиданно говорить мистер Спотс, протерев глаза. — Я ехал по этой дороге со своей дочерью, Эни, — машина плавно повернула направо, и перед Константином открылся прекрасный вид на спокойные воды реки, в которой, словно в зеркале, отражались все звёзды и круглая луна. — Это было зимой... и на этом асфальте, как и на той реке, был лёд. Я помню всё настолько чётко, будто бы это было вчера... Я тогда только-только переехал жить в Румынию. Я плохо знал эти дороги... и не смог справиться с управлением на этом повороте... — мистер Спотс сильно хмурился, рассказывая историю. Его голос был немного усталым. — Машину занесло... и она попала на лёд... я пытался остановить это скольжение по льду на реке, так как слышал треск льда... но у меня не выходило... машина всё равно

беспорядочно скользила и кое-как остановилась в центре реки. Треск льда стал более громким... Эни сидела справа от меня, пристегнутая, как и полагается... Я начал как можно быстрее отстегивать её... но не успел. Мы провалились под лёд. Холодная вода начала затекать в машину сквозь различные отверстия. Воздух пузырями выходил из машины. Мои руки начинали неметь, Эни плакала, я всё ещё пытался отстегнуть её, но мои руки делали всё медленно, из-за холодной воды их сводило... я говорил своей дочери, что всё будет хорошо, и мы выберемся обязательно... мы уже были практически погружены с головой в воду... Она уже начала захлебываться... моё тело всё кололо, будто иголками... я боролся изо всех сил... тело меня уже не слушалось... — на секунду мистер Спотс замолчал, пытаясь разглядеть что-то сбоку между деревьев — ему показалось, что там мелькнула чья-то тень.

Старик снова посмотрел вперёд, нахмурился только сильнее, видимо, чтобы скрыть свою боль. — После этого — последнее, что я помню, это то, что под воду будто бы нырнул кто-то... оно подплыло ближе — и я увидел необыкновенно красивую тигрицу с голубыми глазами... но я не уверен, что именно это передо мною было... возможно, это была какая-то галлюцинация... или что-то наподобие. Так или иначе, я не поверил

своим глазам. Она была в пяти сантиметрах от лобового стекла передо мной... сначала она посмотрела на девочку, а потом на меня... я подумал, почему-то, что она хочет спасти нас... и я показал пальцем на Эни... и после я понял, что это уже конец — я уже долго не дышал... я думал, что умру. Но потом я очнулся — была ночь, я увидел рядом костёр и Сальватору Дарк. Именно она меня спасла... но я не особо радовался. Я спросил, где Эни... Она промолчала и посмотрела в сторону. Я повернулся посмотреть туда, куда она посмотрела. Эни лежала на снегу, так же, как и я, накрытая кучей тряпья... Я хотел подбежать к ней, но не смог — моё тело было ещё ооченелым, ноги не хотели даже сгибаться, чтобы я мог встать... Я спросил, что с моей дочерью... Сальватора лишь опустила взгляд. Тогда я понял, что она не успела спасти её. Я не знал, что делать. Мне было больно и обидно... Когда я пришёл в себя и немного отогрелся, Сальватора рассказала мне, что проезжала со своим больным отцом мимо на машине... и увидела во льду пролом издалека... поэтому и кинулась спасать. Она сказала, что отлично плавает, и может долго не дышать под водой. Её куртка была вся мокрая... её волосы тоже намокли. Удивительно, как она сама не замёрзла. Я тогда ещё увидел на асфальте ярко-жёлтую машину, в которой в чёрном плаще, укутавшись, сидел старый мужчина в

чёрной шляпе. Я встал, скинул с себя тряпье, которым она меня накрыла, и подошёл к Эни. Да, я знал, что подходить уже бесполезно, знал, что моя дочь уже мертва, что я не могу ничем ей помочь, — мистеру Спотсу было больно. Он на секунду закрыл глаза, словно пытаюсь собраться с силами, чтобы договорить. Константину было жаль его. Мальчик знал, что это такое, потерять тех, кого любишь. — Но я не хотел в это верить. Я помню, как я наклонился над её маленьким, крохотным телом... она была вся синяя, не дышала, её когда-то мокрые волосы прилипли к голове и вся кожа, вместе с волосами, покрылась тонким слоем льда... её тело стало более тяжёлым, твёрдым, не гнущимся... я... я не хотел верить. Сальватора сказала, что очень сожалеет, что так получилось. Но я понял одну вещь, которую она бы мне сама никогда не сказала: если бы она спасла первой Эни, Эни была бы жива. Но мисс Дарк спасла почему-то первым меня... почему, я так и не понял, но я твёрдо уверен, что так и было, хотя она мне и никогда не говорила, кого спасла первым. Я тогда ушёл, не сказав мисс Дарк больше ни слова. Я провел скромные похороны. Жены у меня не было и нет, как и родственников, поэтому я стоял возле могилки один и долго и тихо говорил прощальную речь. Мне почему-то почудилось, что за мной кто-то наблюдает издалека, и я обернулся. Сзади

кладбища был тёмный лес, и ветки одного из деревьев немного раскачивались, в то время как остальные были неподвижны, и больше я не увидел ничего. После этого я часто бывал на могилке своей дочери. Я заезжал туда после работы, ухаживал за этим местом. Смысл моей жизни остался в прошлом — я практически не разговаривал с людьми, не улыбался. Так прошёл год. Эмоции покинули меня... я не чувствовал ничего. Внутри меня была пустота. Вместе со смертью Эни внутри меня тоже что-то умерло... это было то, что когда-то заставляло меня улыбаться и чувствовать что-либо. Через некоторое время я понял, что не могу больше так жить — весь мой дом, комнаты, вещи, — всё напоминало о Эни и о том, что её больше нет. Я продал всё и начал искать новое жильё и новую работу. Но жилья нигде не было... всё было уже продано. Работы тоже не было... я ночевал в машине, тратил деньги лишь на еду... а потом я увидел Сальватору Дарк вновь. Она стояла напротив одной из могил с убитым лицом. Я вспомнил о ней впервые за всё время после смерти Эни. Я понял, что тогда поступил по-свински, не сказав ей даже спасибо... понял, что, хоть я и ненавижу её, я обязан ей жизнью. Я пошёл в её сторону и остановился, поняв, что сказать ничего не могу, не могу даже придумать какое-нибудь слово, чтобы начать разговор и хоть как-то сказать ей

спасибо. Она стояла ко мне спиной. Я решил, что уже бессмысленно говорить ей спасибо за то, что спасла меня, — и я молча развернулся, чтобы уйти. Однако, в эту секунду она обернулась и посмотрела на меня. Её глаза были красными от слез. Она сказала, что вчера умер её отец... он был сильно болен, она ухаживала за ним всё это время, но он всё равно не смог прожить долго. Больше родственников у неё не было вообще. В этот момент, даже сквозь свою ненависть, я понял, что всё-таки она тоже человек, как и я, как и Эни... я тогда обнял её, и она долго плакала, не говоря ни слова. Я её успокаивал. Ненависть во мне не угасала, но я прекрасно понимал, что она чувствовала, потому что прошёл через это сам. Сальватора сказала, что живёт и учится теперь совсем одна, без отца... но он оставил ей в наследство свой дом и огромные деньги. За домом вместо тысячи служанок присматривала всегда она одна. Она предложила мне работать у неё дворецким, помогать немного по дому и готовить. Я согласился. Так я и начал у неё работать. Но постоянно находиться с нею в одном доме я не мог, хоть она мне и предлагала совершенно бесплатно жить у неё, в поместье Дарк. Но я отказался и подыскал себе отдельную квартиру.

— Вы будете работать у неё теперь до конца своей жизни? — неожиданно спросил Константин.

Ему было жаль старика. Всё то, через что прошёл мистер Спотс, все его чувства, — это было знакомо мальчику.

— Пока не верну ей долг, который должен уже давно, — мистер Спотс был рад, что Константин понимал его.

— Значит, вы хотите спасти ей жизнь и уйти потом, оставив её одну? — Константин почувствовал злость. Надо было сказать мистеру Спотсу всё сразу! Почему Сальватора не рассказала мистеру Спотсу правду? Если бы она это сделала, то мистер Спотс бы не стал её ненавидеть, и Сальватора бы сейчас не была мертва!

— Конечно же, да, — сказал старик, чувствуя себя глупцом, который столько лет уже не может ответить на свой главный вопрос: зачем ему нужна правда о смерти его дочери? Ведь правда не изменит самого факта смерти.

Константин хотел услышать ответ «нет».

— Ваша ненависть не угасла даже спустя столько лет? — немного раздражённо спросил мальчик.

— Слишком много вопросов, ответа на которых нет... она никогда не даёт прямого ответа, — старик нахмурился, решив, что больше уже говорить не о чем.

Константин понял, что мистер Спотс уже разговаривал, видимо, на эту тему с Сальваторой.

Впереди появился семиэтажный дом. Машина остановилась. Они вышли, закрыв автомобиль, и поднялись на седьмой этаж на лифте.

Мистер Спотс, вечно хмурый, с каменным лицом, открыл дверь в квартиру и пропустил мальчика.

Константин прошёл в маленькую уютную квартирку. Здесь был коричневый пушистый ковёр на белом холодном полу и белые стены. Телевизор, напротив которого стоял мягкий удобный диван цвета кофе с молоком, был чёрного цвета. Вся мебель выглядела так, словно она была недавно куплена в магазине.

— А... где я буду спать? — мальчик помотал головой в разные стороны, рассматривая другие комнаты. Свет был включен только в коридоре, а в остальных комнатах была темень.

— На диване, — указал мистер Спотс. — Хочешь покушать? — он прошёл на кухню, включая свет.

— Да, — кивнул мальчик, сняв верхнюю одежду.

Старик молча повесил его вещи на крючки и заглянул с таким же хмурым лицом в холодильник. Обычно Константин привык видеть мистера Спотса в закрытых рубашках, а сейчас старик был в старой серой футболке и светло-коричневых брюках. Мальчик вновь сравнил мистера Спотса с

отставным сержантом... или кем-нибудь в этом духе. Возможно, во всём виновата прямая осанка, взгляд, выправка, тон, которым он всегда разговаривал. Не смотря на то, что мистер Спотс был уже не молод, у него было подтянутое телосложение, татуировка в виде языков пламени на правой руке, тянувшаяся от плеча до пальцев, и на среднем пальце той же руки татуировка в виде буквы «К».

Мальчик ещё помотал головой, в поисках фотографии дочери старика, но так и не нашёл. Фотографий вообще не было нигде.

— Я не держу фото Эни на видных местах. Я просматриваю их редко, — ответил мистер Спотс на немой вопрос Константина, покосившись в его сторону.

Мальчик поджал губы и глубоко вздохнул. Он собирался произнести вслух нечто тяжелое, как ему казалось, и серьёзное, но на которое не совсем хватает смелости. Вдруг его высказывание разозлит мистера Спотса? А ведь мальчик точно знал, что, судя по телосложению старика, если он даст подзатыльник, или разозлится, то это в любом случае будет очень больно.

— Вам нужно простить Сальватору. Ненависть — не выход, — наконец сказал Константин и бросил взгляд на дверь из квартиры, продумывая на ближайшую минуту резкий кувырок